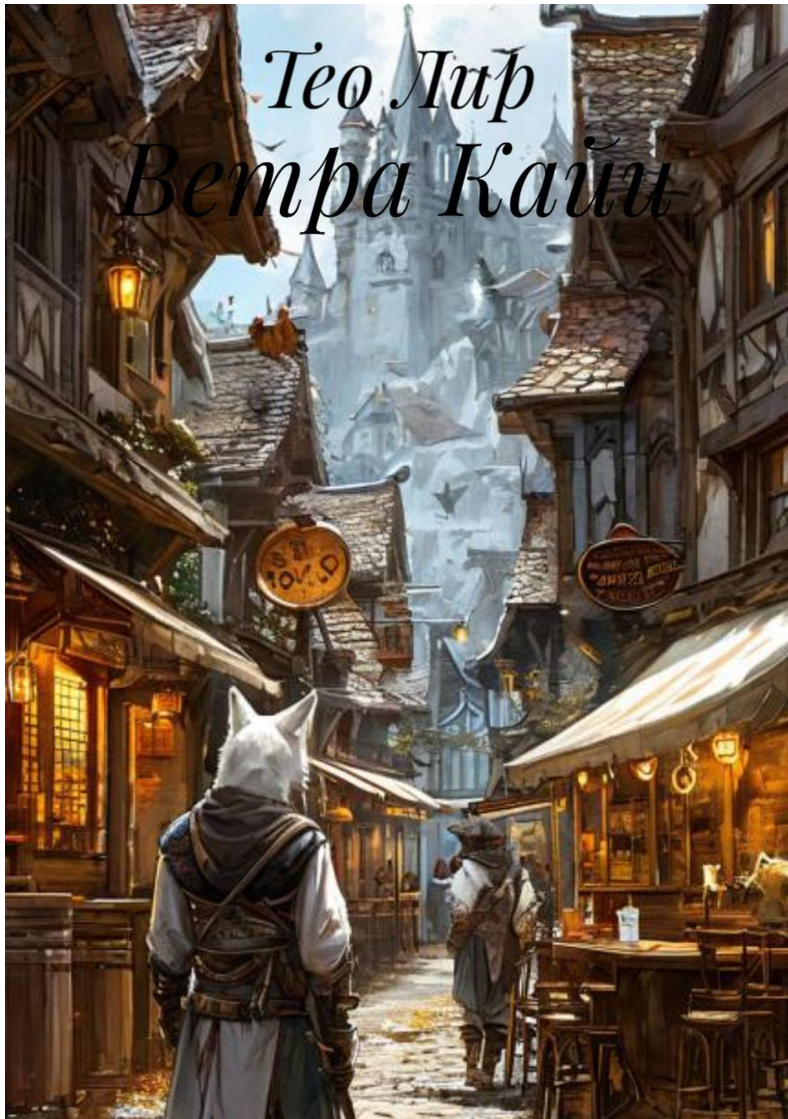

Тео Лир Ветра Кайи

Тео Лир Ветра Кайи

<https://litres.ru/73795547>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Тео белые лисьи хвосты, острый язык и привычка вляпываться в неприятности. Когда в его забытую богами деревню приходят чужие, он теряет всё — дом, отца, прошлую жизнь. У него остаётся только дорога.

В столице его ждут крыши, переулки и «Золотая пыль» — трактир, где дешёвое вино называют кисляком, а работу дают ту, о которой не говорят вслух. Тео думал, что будет воровать безделушки и пить. Но мир слишком велик, чтобы отсидеться в одном кабаке, а у прошлого — длинные руки.

Ему семнадцать. У него нет плана. Но есть хвосты, наглость и привычка не сдаваться.

Содержание

Рыба и Серебро	4
Жёлуди и черепахи	14
Возможно, и не всегда	28
Двери и ключи	40
Повороты и отвороты	51
Рога и Хвосты	67
Ведьма и болван	75
Пыль и камень	86
Зверёк и зеркало	103
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Тео Лир Ветра Кайи

Рыба и Серебро

На побережье Кайи, в графстве Аллесара, стояла небольшая деревушка, которая едва ли когда-нибудь попадала на карты. Рыбаки, крестьяне да несколько детишек на пляже. И Тео – тощий сорванец с двумя белыми лисьими хвостами, всегда готовый устроить небольшую заварушку.

Его отец был рыбаком — нежный, как скала, с руками, покрытыми трещинами. Никакие наказания не могли успокоить буйный нрав Тео. Каждое утро отец наблюдал за тем, как белоснежные хвосты скрывались за забором, обещая новые неприятности.

Для человека, вся жизнь которого крутилась вокруг работы, поведение мальчика было бестолковым. Все воспитательные мероприятия сводились к рыбе, сетям и лодкам. Как-то раз, за разукрашенную стену, Тео несколько дней подряд чистил всю соседскую рыбу. Так отец надеялся привить сыну любовь к морю и труду.

Тогда никто не мог представить, что Элизварис вновь содрогнётся. «Вторая война», как её обозвали хронисты, нача-

лась со вторжения войск Амута на территорию Кайи. Первая волна прошла по гарнизонам, как настоящее цунами. Экипированные по последнему слову техники, воины Амута смяли всё сопротивление и ушли вглубь континента.

Наступление захлебнулось только на подступах к столице. Именно с этого момента войну начнут считать мировой.

В правительстве Амута магия считалась опасным и вредным искусством. На захваченных землях Кайи устроили настоящую охоту: жгли книги, крушили побрякушки, вырезали даже самых безобидных магических тварей. Тех, кто умел колдовать, отправляли в лагеря на «перевоспитание». Тех, кто не умел, но был «подозрительным», убивали без суда. На месте.

Эта волна докатилась даже до деревушки, которой нет на картах.

Когда на улицах засверкали серебристые каски, никто не забеспокоился. Какая разница, кто сейчас у власти, если у тебя в карманах ни гроша? Однако разница была. Она выражалась в беззвучно пропавших соседях, в громких обысках и публичных судах.

Тео был ребёнком, но даже его не обошли новые «законы». Как и всех местных, его погнали вставать на учёт, которым занимался какой-то лысый толстяк в цветастой мантии, больше похожей на детское одеяло.

Мальчишка был вынужден ждать своей очереди в тесном, тёмном коридоре, забитом такими же бедолагами. В воздухе

виталя пыль и запахи потных тел, вперемешку с рыбой. Люди заходили в кабинет и покидали его, но количество людей внутри не уменьшалось. Несмотря на обстановку, Тео окунулся в тяжёлую, почти удушающую дрёму.

Проснулся он от того, что его подняли за шкирку. Солдат в серебристой каске потащил его в сторону двери. За окном уже не было солнца. Он провёл здесь весь день.

Его бесцеремонно затолкали в кабинет, больше похожий на чулан, посреди которого стоял шаткий стол с кучей бумаг и странной светящейся стекляшкой.

Толстяк поднял на мальчишку свои маленькие, почти порсячьи глаза, соорудил недовольную гримасу и заговорил:

– Сколько вас там ещё? – Голос толстяка — одновременно визгливый, как у свиньи, и медленный, тягучий, как «мяу» старого толстого кота — ударил по слуху.

– Не знаю... Я не... – Тео начал оправдываться, будто считать людей — это его обязанность.

– Всё. Молчи. Быстрее начнём, быстрее закончим. – Толстяк уже уткнулся в свои бумажки, не дожидаясь ответа.

– Имя, возраст, раса.

– Тео, тринадцать, человек.

Чинуша поднял глаза и скривился в мерзкой ухмылке.

– Человек, да? Интересно ты завернул. – Он окунул перо в чернильницу и несколько раз чиркнул по листу.

– И много ты людей с хвостами знаешь?

Тео хотел было что-то ответить, но слова застряли где-то в глотке. Уши непроизвольно прижались к голове, а хвосты, будто бы прячась, застыли за спиной.

– Нет...

– Так я тебе скажу. Людей с хвостами не бывает. – Голос толстяка на секунду пропустил ноту жалости.

Сделав ещё несколько небрежных движений по бумажке, толстяк громко шлёпнул по ней печатью.

– Тео, тринадцать, таппа. А теперь выметайся. Следующий!

Мальчик выскочил из кабинета и сделал глубокий вдох.

Запахи очереди резанули лёгкие, в кабинете он почти не дышал. Слёзы выступили на глазах. Всё, чего ему сейчас хотелось, — это закрыться дома и сделать вид, что его никогда не было.

Отец сидел за столом, натачивая старый нож, когда малец ворвался в дом. Не прозвучало ни приветствия, ни, как это часто бывало, извинений за пакости. Гром двери, белая вспышка и гробовая тишина.

Звук лезвия о точильный камень вернул звуки в дом. Настоящий мужчина не лезет в чужие чувства. Звон. Настоящий мужчина разберётся сам. Звон. Настоящий отец не бросит ребёнка.

Нож воткнулся в стол, старый стул закрипел. Шаги, приближающиеся к кровати. Скрип.

Тео почувствовал, как кровать, на которой он спрятался, ушла вниз. В голове вертелись слова толстяка:

– Тео, тринадцать, таппа. А теперь выметайся.

Ему было непонятно, что такое «таппа», но звучало оно как оскорбление, как клеймо. Но клеймо чего?

Мальчику было тяжело осознать, почему он почувствовал себя униженным. Сколько раз он слышал от взрослых «Паршивец», «Ворюга», «Поганец»? Но ни одно из этих слов не звучало так... Обидно.

Тягучая, почти звенящая тишина прерывалась только дыханием отца. Он здесь. Тянулись минуты, может, часы, но он всё ещё здесь.

– Пап... – Голос Тео слегка дрожал.

– Что такое «таппа»?

В висящей тишине этот вопрос прозвучал как взрыв. Отец тяжело вздохнул, но ничего не ответил.

– Толстяк переписчик сказал, что я...

– Таппа — это ты. Голос отца звучал сухо. Слишком сухо.

Тео выглянул из-под одеяла и посмотрел отцу прямо в глаза и увидел в них... Мокрый блеск.

– Твоя мать... – Тишина вновь навалила всем весом.

Мальчишка на мгновение перестал дышать. Никогда

прежде его отец не заводил разговоры о матери.

— Твоя мать была другой. Не такой, как я. — Было видно, что слова даются ему с трудом. — Дух. Лесной дух.

Тео не верил своим ушам. В деревне как-то не принято было говорить о его семье, а отец просто отмахивался.

— А таппа...

— А таппа — это ты. Полукровка.

В дом снова вернулась тишина. Не такая тяжёлая, как прежде. Отец больше ничего не говорил, а Тео больше ничего не спрашивал.

Следующие несколько дней прошли в рутине, омрачённой тяжёлым напряжением. Все старались делать вид, что ничего не случилось. Но детский смех исчез. Громкие соседские перепалки стихли. По улицам проносились только тихие перешёптывания.

Мальчишка, незаметно для себя, отложил авантюры и провёл несколько дней, помогая отцу с рыбой и снастями.

Облегчение приносила только ночь. Она запирала жите-

лей, вместе с их тревогами, по домам.

В одну из таких ночей Тео решил развеяться и пробежаться по крышам, побыть наедине с собой и обдумать всё случившееся.

Он взобрался на крышу небольшой старой церквушки, посвящённой богу, имя которого всё время забывал. Улёгся на склоне дырявой крыши и уставился в небо. В голове, вновь и вновь, пролетали слова толстяка, а следом — слова отца.

Его размышления прервал шум, доносившийся снизу. Тео сполз ближе к краю крыши и посмотрел на улицу. Две серебристые каски, играющие в лунном свете, а между ними крепкий старик. Мальчик узнал его. Это был настоятель церкви.

Священник старался сопротивляться, но каски не обращали внимания на его возражения и молча тащили в сторону моря.

Хвосты лиса нервно заходили из стороны в сторону. Тео не ладил со стариком — тот вечно отчитывал его за шалости. Но отдавать «своего» этим «чужим» было ещё хуже.

Сам того не заметив, Тео оторвал от крыши кусок черепи-

цы и поднялся во весь рост. Уши непроизвольно прижались к голове, хвосты замерли на месте. Набрав побольше воздуха, он вскрикнул:

— Эй, болваны!

Все трое повернулись к нему. Мальчик занёс руку, стараясь прицелиться в одну из касок, но его взгляд встретился с глазами старика.

Серые глаза сияли почти также ярко, как луны над их головами. В них не было страха, только готовность.

Тео оцепенел и выронил черепицу, которая с грохотом покатилась вниз.

Белое пятно тут же скрылось в кустах у стены. Прозвучал звук — неестественный, утробный. Тео никогда не слышал ничего подобного. Перебежав в сторону соседнего здания, Тео заметил, что касок стало больше. Медлить нельзя. Скрывшись за стеной, он рванул домой. Ветер свистел в ушах, двор пролетал за двором, пока перед глазами не замаячила родная дверь.

Грохот. В комнату влетел маленький белоснежный ураган. Мальчишка снова вляпался.

Отец, не убирая нож, поднял взгляд на Тео. Никогда прежде он не видел в его глазах такого страха.

— Что ты натворил?

— Там... Каски... Сосед... — Слова застревали в горле.

Отец шумно вдохнул, поднялся со стула и потащил его к двери.

— Тебе нужно уходить.

— Куда? Почему? — Хвосты мальчишки заходили из стороны в сторону.

— Куда угодно, но подальше.

Отец закрыл дверь и подпёр её стулом. Выражение его лица излучало спокойствие, будто он готовился к этому всю жизнь.

— А как же... Ты?

— Я разберусь. А теперь иди. Иди и живи достойно.

Отец кивнул на окно. Тео хотел было что-то сказать, но в дверь раздался первый удар.

Осознав серьёзность ситуации, мальчик одним прыжком вылетел в кусты за домом и побежал.

Жёлуди и черепахи

Каким бы соблазнительным сейчас ни казалось забытьё, слишком яркий свет, пробившийся сквозь листву, вынудил Тео перевернуться. За первым движением в тело начали возвращаться ощущения. Боль в мышцах, боль от ссадин на лице. Вслед за болью в голову вернулось сознание, а вместе с ним — воспоминания о прошедшей ночи.

Отрывки последних событий промелькнули яркой вспышкой. Взгляд соседа, дом, отец, а дальше только лес, ветки, оставляющие на лице глубокие царапины, и корни деревьев, пытавшиеся остановить бег.

Мальчик с трудом заставил себя сесть и осмотреться. Глаза болели, картинка превращалась в сплошное месиво. Всё, что он мог сказать наверняка: он в лесу. Деревья окружали его со всех сторон, и было сложно понять, откуда он пришёл.

Тео прикрыл глаза и помассировал виски, надеясь успокоить шум, заполнивший голову.

— Лес — это уже где-то. Где-то лучше, чем нигде, верно?

Странная привычка говорить вслух обычно только меша-

ла, но сейчас это было намного лучше, чем просто сидеть в полной тишине.

Уперев руки в сухую, колючую землю, он попытался встать, но мышцы взвыли, требуя посидеть ещё хотя бы чуть-чуть.

— Ну нет, так не пойдёт. Если долго без дела, то засохнет тело.

Мальчик беззвучно усмехнулся, вспомнив поговорку, которую иногда слышал от соседей. Тогда она казалась ему дурачкой, но сейчас придала сил на ещё один рывок.

Уперев ладони в землю, он резко оттолкнулся, не давая мышцам времени на боль, и поднялся на ноги.

— Полдела сделано. Осталось куда-нибудь прийти.

Лисёнок ещё раз прошёлся взглядом по деревьям. Ни одно из направлений ничем не отличалось от другого, поэтому выбор был прост. Он просто пошёл вперёд. В голову снова вернулись обрывки ночных событий. За что забрали соседа? Странно было думать, что кто-то из их деревни мог представлять интерес для касок. И отец...

К горлу подкатил мерзкий ком, глаза застлала мокрая пелена. Отца больше нет, и он прекрасно это понимал.

Отец отдал жизнь, чтобы ты мог бежать.

Тео стоял. Секунду. Две. А потом сорвался с места. В этот раз он бежал не от опасности — от вины. Ветки били по исцарапанному лицу, вызывая жгучую боль. В ушах стучали последние слова отца, смешиваясь со стуком сердца.

Я разберусь. Удар. А теперь. Удар. Иди. Удар. Живи достойно. Удар.

Всё вокруг слилось в какофонию. Мальчик уже не мог отличить удар ветки от удара сердца, шум ветра — от боли в ногах. Всё смазалось, а в ушах осталось только одно слово: «Живи».

В какой-то момент всё оборвалось. Оборвалось громко и очень больно. Тео понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: он лежит на протоптанной дороге, а в нескольких метрах — старое, но крепкое двухэтажное строение.

Он протёр глаза, силясь проверить, не привиделось ли ему, но домик никуда не исчез. Он слегка тряхнул головой, чтобы вернуть мысли в порядок. Беглого взгляда хватило,

чтобы увидеть над дверью старую, давно разохшуюся, но читаемую вывеску: «Шесть черепах».

— Готов поцеловать каждую из них...

Тео поднялся с земли и неуверенно направился к двери. В любой сказке дом посреди леса — плохой знак, и это знает каждый ребёнок. К счастью, в деревне книг со сказками не было, поэтому лисёнок без задней мысли вошёл в тёплое и сухое помещение.

Внутри стояла полутьма, и после яркого дневного света Тео на мгновение ослеп. Постояв на входе, он разглядел несколько крепких столов и стойку в конце зала. Внутри не было никого, кроме крепкого седовласого мужчины с усами настолько пышными, что хвосты мальчика могли показаться крысиными.

Выпрямив спину и подняв уши, Тео постарался отогнать образ «лесного оборванца» и подошёл к стойке. Усач, казалось, даже не обратил на него внимания, продолжая витать в своих мыслях. Только после негромкого «кхм» он соизволил посмотреть на посетителя.

— Ох, прошу прощения. Добро пожаловать в «Шесть черепах». Самый лучший трактир в округе! — Голос трактир-

щика оказался низким и мягким, как дорогая перина.

— Здравствуйте! Мне самую лучшую похлёбку!

При слове «трактир» у Тео заурчало в животе. Он никогда в них не бывал, но почему-то это слово звучало очень вкусно.

Усач прищурился и оценивающе осмотрел мальчишку. Вид у него, надо сказать, был ещё тот: спутанные слипшиеся волосы, торчащие уши, рубаха и штаны, дыр в которых было больше, чем ткани.

— Сейчас будет, — сказал трактирщик и исчез в задней комнате.

Пока появилась возможность, лисёнок решил осмотреть помещение. Он вскарабкался на слишком высокий для него стул и завертел головой. Окно было только одно, и то под потолком, пара старых канделябров непонятного цвета и лестница наверх. Мебель тоже была старой, но по всему чувствовалось, что владелец трактира — очень хозяйственный человек.

Через несколько минут усач вернулся и поставил перед мальчиком полную тарелку коричневой густой парящей жижи.

Содержимое выглядело не очень аппетитно, но, когда запах достиг носа, желудок заурчал с утроенной силой. Тео, забыв о приличиях и столовых приборах, схватил тарелку и, запрокинув голову, принялся заливать в себя похлёбку. Ему казалось, что ничего вкуснее он не ел никогда.

— Экак ты оголодал, малец, — ухмыльнулся трактирщик одними усами. — И откуда ты такой взялся? На моей памяти здесь не бывает никого, кроме редких торговцев да беженцев.

Тео поставил на стол пустую тарелку и вытер рот рукавом.

— А я из... Ну...

Только сейчас мальчик осознал, что никогда не слышал названия своей деревни. Карт у них не водилось, а соседи не называли её никак, кроме «деревня».

— Там... за лесом...

— За лесом? — На лице трактирщика появилось недоумение. — В какую сторону «за лесом»?

— У моря. Я из небольшой деревушки у моря.

— Экак тебя занесло. До ближайшего берега несколько дней пути.

Тео растерянно пожал плечами. Ему самому было не очень понятно, как его за ночь занесло в такую даль.

— Как есть, так и занесло.

Трактирщик снова усмехнулся в усы. Этот разговор явно его развлекал.

— Звать-то тебя как?

— Между прочим, в моём возрасте не стоит разговаривать с незнакомцами.

Мужчина протянул Тео крепкую раскрытую ладонь.

— Меня зовут Эдвард.

Лисёнок посмотрел на протянутую руку. Уши начали то подниматься, то опускаться.

«С одной стороны, он может оказаться кем угодно. Утащит меня на кухню и заставит отрабатывать еду. С другой — если бы меня ждало что-то плохое, оно бы уже случилось,

верно?»

В конце концов мальчик пожал руку Эдварда.

— Тео.

— Вот видишь. Теперь мы даже не незнакомцы. Расскажешь, как тебя сюда занесло?

— Только после того, как вы расскажете, почему ваш трактор называется «Шесть черепах».

В глазах тракторщика промелькнула радость. Эдвард очень гордился своим трактором и всегда был рад о нём рассказать.

— Это название появилось ещё до того, как мой дед открыл это место. Раньше здесь был небольшой пруд, на который он бегал с моей бабушкой. Почему-то на том пруду всегда было видно только шесть черепах. Так название и прицепилось.

Тракторщик слегка подкрутил ус и на секунду задумался.

— Со временем пруд обмельчал. Дед черепах выловил и у себя оставил. А когда открыл трактор, залил новый прудик

— поменьше, чем старый. Черепях туда подселил, и, не поверишь, их там снова ровно шесть.

— Теперь твоя очередь.

Рассказывать историю целиком не хотелось. Не хотелось говорить незнакомцу, что он разозлил касок. Не хотелось рассказывать об отце. Не хотелось говорить о потерях.

— Я бежал, — коротко ответил Тео.

— И куда же ты бежал?

— Ну... Просто бежал. Вперёд...

Трактирщик провёл пальцами по усам и, казалось, о чём-то задумался.

— Ладно. Посиди здесь немного. Я сейчас вернусь.

Эдвард снова скрылся в задней комнате.

Тишина навалила на уши. В голове снова проскочила последняя ночь дома. А что, если трактирщик сейчас приведёт касок? Что, если его уже ищут?

Тео нервно заёрзал на стуле. Он не мог отделаться от ощущения, что Эдвард ушёл не просто так. Похлёбка была очень вкусной, а сам трактирщик — очень приятным, но это могло быть попыткой усыпить его бдительность.

Отец отдал жизнь, чтобы ты мог бежать.

И Тео побежал. Спрыгнув со стула — тот с грохотом упал, — лисёнок рванул к двери. В два прыжка он преодолел расстояние до выхода и скрылся в лесу.

Несколько минут бега с прыжками через корни — и уставшие мышцы вновь напомнили о себе, отозвавшись болью во всём теле. Тео пришлось остановиться, чтобы не упасть.

— Хватит, пожалуй, бега на сегодня...

Лисёнок уселся на землю там же, где только что стоял. В глазах всё поплыло, дыхание сбилось, в ушах гремела барабанная дробь.

В голове образовалась странная пустота. Ни мыслей, ни переживаний — только шум собственного сердца и редкие крики птиц.

Так он сидел, уставившись в одну точку, пока разум и те-

ло не начали приходить в норму. К крикам птиц прибавился шелест ветра, треск веток и... Буль. Обычный буль, как от камушка, брошенного в воду. Это было настолько неожиданно, что мальчик не поверил своему слуху.

Прислушавшись, он услышал ещё один «буль». Как мог, определив направление, он перебрался на четвереньки и пополз к воде. Сейчас он не думал о том, как выглядит. В нём говорило желание прохлады. Ничего лучше, чем глоток холодной воды, он не мог вообразить.

Проползая через корни и кусты, он услышал ещё несколько «буль» и, неожиданно для себя, полетел вниз. Окунувшись с головой, он резко вскочил, фыркнул и инстинктивно встряхнул хвостами, отправив в полёт мириады капель.

Прямо перед глазами пролетело маленькое коричневое «нечто». Он замер, огляделся и поднял голову. Над ним возвышался старый, но всё ещё крепкий дуб. Его могучие ветви нависали над прудиком и при каждом дуновении ветра раскачивались, пропуская вниз лучи света.

Тео запустил руку в воду. Покопошившись пальцами в иле, он нащупал маленький плотный камушек, поднял его и увидел обычный жёлудь. Лисёнок несколько секунд рассматривал его, проверяя на трещины, и, удовлетворившись

состоянием, сунул орех в карман.

— Спасти орех — всегда не грех...

Не подумав, он выпалил этот дурацкий стишок деревьям, осознал его и рассмеялся. С его маленьких плеч свалилось всё, что накопилось за последнее время: усталость, страх, боль. Он стоял посреди лесной лужи, смеялся и не мог остановиться. Будто сопровождая этот истеричный смех, потревоженные птицы покинули ветви и, возмущённо крича, отправились к небу.

Высмеяв из себя всё, что мог, лисёнок устало плюхнулся в воду. Неожиданный всплеск энергии покинул его, не оставив внутри ничего, кроме пустоты и тишины. Сидя на склизком дне, он позволил себе прикрыть глаза и прислушаться. Тишина не была пустой: ветки всё ещё шелестели, птицы всё ещё перекрикивались, а вода перетекала небольшими волнами.

Но его тишину прервало нечто, врезавшееся в коленку. Не больно, не быстро, но достаточно, чтобы он очнулся.

Тео с трудом разлепил глаза и посмотрел на воду, ожидая увидеть ветку. Перед ним была возмущённая черепаха. Она отплыла от коленки, набрала разгон и снова врезалась в

незванного гостя. Мальчик наблюдал, с каким упорством, не обращая внимания на размеры противника, черепаха защищала свою лужу. В голове будто снова включили свет.

— Восхищаюсь вашей храбростью, сэр Черепаха, но так вы можете разозлить настоящего врага.

Лисёнок встал, аккуратно взял черепаху обеими руками и поднял на уровень глаз.

— Я знаю одно место. Там тихо и хорошо. Там у вас будут друзья, которых вы сможете защищать.

Несколько раз поскользнувшись и упав, Тео всё же выбрался из пруда, не выпуская черепаху. Следуя за собственным следом из обломанных веток и мятой травы, он отправился обратно в трактир. Мягкий лесной ветер дул в спину, будто провожал и желал доброго пути.

Уже начало смеркаться, когда на пороге снова появился промокший до нитки и уже не очень белоснежный лисёнок. Эдвард в это время готовился к приёму гостей: ночь — самое неподходящее время для путешествий, и многие из проходящих мимо останавливались здесь на ночлег.

Тео прошёл через зал, оставляя за собой след из лужиц.

Остановившись перед стойкой, с прижатыми к голове ушами, он положил перед трактирщиком перепуганную черепаху.

— Теперь семь.

— Чего? — не понял Эдвард, с недоумением глядя на лисёнка.

— Теперь это «Семь черепах».

Возможно, и не всегда

Оценив черепаху как «сокровище, что дороже любого камня», Эдвард позволил Тео остаться у него в трактире. У него даже получилось найти на чердаке детские вещи своего сына, чтобы лисёнок мог переодеться и перестал выглядеть как лесное чудище. Вещи были на несколько размеров больше, но в целом носить их было можно.

Наконец, нормально поев и выспавшись, Тео рассказал трактирщику обо всех последних событиях, из-за которых он и оказался в лесу. Во время его рассказа Эдвард практически не менялся в лице. Ни его глаза, ни его усы не теряли серьёзности.

— Экак тебя угораздило поцапаться с амутцами. — Эдвард задумался и провёл пальцами по усам. — Хотя кто в твоём возрасте не чудил.

Первые несколько дней в трактире Тео только ел и спал, отвлекаясь на беседы с Эдвардом только во время еды. Это был удобный способ дать себе «не существовать» хотя бы какое-то время, но идиллия рухнула, когда трактирщик заявил:

— Раз уж ты живёшь здесь бесплатно, значит, тебе придётся мне помогать.

После этих слов его усы согнулись от хитрой ухмылки. Тео хотел было смыться, пока Эдвард отвернулся, но брошенная перед ним тряпка явно дала понять, что сегодня у него ничего не выйдет.

— Возьми её и протри столы. Сегодня будет много народу.

Лисёнок глубоко вздохнул, взял тряпку и поплёлся оттирать пятна от старой древесины. Пока он оттирал очередное пятно, в его голове проскочила мысль, которую он сразу не заметил.

— Эй, Эдвард!

Трактирщик оторвал глаза от толстенного тома, который лежал на стойке, и вопросительно уставился на мальчика.

— Ты сказал, что сегодня будет много народу. Чего вдруг?
— Уши Тео слегка дёрнулись, выражая любопытство. — Хорошо, если двое за ночь зайдут.

— Через несколько дней «День Кайрона». В столицу едут все. — На лице Эдварда проскользнула довольная улыбка. —

В ближайшие несколько дней на дорогах будет не протолкнуться.

Тео название праздника показалось знакомым, но в его деревне, кажется, его никогда не отмечали. Да и в чём смысл праздника он не знал.

— А что такое «Кайрон»?

— Не «что», а «кто». У вас вообще книг не было?

Эдвард взял перо из чернильницы и сделал несколько подписей в томе на столе. Эта небольшая пауза дала Тео возможность покопаться в памяти, но никого с именем «Кайрон» он не знал.

— Кайрон — это первый король Кайи. Объединил графства, построил дорогу через весь континент. — Эдвард усмехнулся. — Сейчас бы такого...

— Конечно, у нас были книги! — Тео не собирался мириться с таким несправедливым обвинением в сторону его деревушки. — У моей соседки была книжка с картинками каких-то цветочков... А ещё священник всё время в церкви читал какой-то толстенный том.

Вспомнив про священника, Тео резко остановился, упреков пустой взгляд на пятно, которое никак не хотело оттираться. Перед глазами снова встала картина ночного похищения, сияющие глаза соседа и отец...

— Ты три, три. Верю я, что вы все очень образованные и умные.

Эдвард вернулся к своей книжке и сосредоточенно что-то в ней писал, а Тео вернулся к пятну. Через несколько минут сердитого пыхтения он не выдержал и бросил тряпку на стол.

— Я так не могу! Оно не оттирается.

Эдвард, не переставая выводить закорючки и не поднимая взгляда на Тео, ответил:

— Оставь. Это пятно стало частью этого стола. Займись пятнами, которые ты можешь оттереть.

Тео рассерженно фыркнул, взял тряпку и пошёл к другому столу. Оставлять вещи на полпути было не в его характере. Пятно за пятном, стол за столом, и вот вся мебель практически сияла (если это слово применимо к столам старше любого из присутствующих в зале).

— Я закончил. Оттёр всё, кроме этого треклятого, пламени ему под пятки, пятна.

Тео выглядел уставшим, но хвосты ходили нервно, неровно.

Эдвард поднял глаза от своих записей, посмотрел сначала на Тео, потом на столы и затем на дверной проём. Снаружи уже начинало смеркаться, а это значит, что скоро можно ожидать постояльцев.

— Последняя возможность спокойно поесть.

Он ушёл в заднюю комнату трактира, где, как Тео уже успел узнать, была кухня, и вынес оттуда тарелку похлёбки. Лисёнок схватился за ложку и принялся за ужин.

— Тофко то пяфно так и не... — Тео проглотил похлёбку и вытер рот рукавом. — ...отмылось.

Эдвард только развёл руками, захлопнул свою книгу и убрал её под стойку.

— Если какое-то пятно не оттёрлось, не говори об этом гостям, может и не заметят.

Он хитро подмигнул лисёнку, махнул рукой в сторону лестницы, отправляя Тео отдохнуть, и унёс тарелку на кухню.

Тео соскочил со стула и побежал наверх. Если сегодня будет суета, он должен в ней поучаствовать. А чтобы поучаствовать в суете, нужно прилично выглядеть.

Забежав в комнату, он открыл небольшую тумбу, стоявшую у кровати, и принялся в ней копать. Половина содержимого сразу же полетела на пол, а оставшееся с грохотом перекатывалось внутри. Полминуты «кровожадного» потрошения ящичка, и он вытащил старый гребень для волос. Гребень он нашёл на чердаке, в той же куче вещей, из которой Эдвард доставал одежду для него.

Гребень был старый, высохший и с большой трещиной, но все зубчики были на месте, а это самое главное.

Он принялся усердно расчёсывать волосы на голове. Прижав уши, чтобы не мешались, он сосредоточенно разделял прядки и укладывал их в ряды, чтобы всё смотрелось как можно лучше.

Закончив с волосами, он посмотрел на свои хвосты. Белые, слишком заметные. Они постоянно цеплялись за кусты,

из них больно выдёргивалась шерсть, из-за которой было понятно, кто именно воровал ягоды. О них постоянно запинался отец, о них всё время запинался Эдвард.

Но об них никогда не запинался Тео. И этот факт подтолкнул его к тому, чтобы расчесать и их. Пусть они и мешают, пускай они выделяют, но это его хвосты.

Процесс вычёсывания хвостов затянулся. Местами шерсть свалилась в колтуны и слиплась, но лисёнок терпеливо, через боль, разделял шерсть, вычёсывал всё лишнее.

Наконец, когда результат показался ему удовлетворительным, он закинул гребень в шкафчик, одним движением ноги закрыл его и вышел из комнаты.

Скатившись по перилам, он оказался в зале, полном людей. Эдвард был прав.

Когда трактирщик помахал ему из-за стойки, Тео аккуратно, стараясь никого не потревожить своим мехом, подбежал и забрался на стул.

— Надо же. Народу сегодня и правда... — Начал лисёнок.

— А я говорил. Меня полезно слушать. — Эдвард ехидно

усмехнулся и пригладил усы.

— Сейчас мне понадобится твоя помощь. У нас заканчиваются дрова для камина. После дров...

Тео не дал трактирщику закончить предложение. Только коротко кивнул, спрыгнул со стула и скрылся на кухне. Дверь, выходящая во внутренний двор, располагалась между посудным шкафом и печью. Не самое удобное расположение, скажете вы? А вот дедушке Эдварда было в самый раз.

Тео выскочил на улицу, навстречу ночной прохладе. Густой влажный воздух обволакивал лицо, пробирался в лёгкие. Где-то в кустах стрекотали насекомые. Мальчик остановился и посмотрел вверх. Прямо над ним сияли две яркие луны. Телия, поменьше, и Кайрон, побольше. Вот где Тео слышал это имя. Они обе висели прямо над двором и будто бы смотрели прямо на него, как два огромных слепых глаза.

Ллисёнок потрянул головой. Как бы сейчас ни было приятно наслаждаться прохладным вечером, но Эдварду нужны дрова. Он свернул по вытоптанной за десятилетия тропинке и пошёл к поленнице.

Набрав дров, сколько мог унести, Тео вернулся в зал. На входе он едва не уронил тарелку, зацепив её хвостом, но обо-

шлось. Сложив из дров небольшую пирамидку, он оценивающе посмотрел на зал. У некоторых посетителей на столах стояли пустые тарелки, поэтому он решил пройтись, собрать их. Сами, к сожалению, они до кухни не доберутся.

Виляя между столиками и гостями, Тео собирал пустые тарелки со столов. До ушей долетали обрывки фраз. Кто-то обсуждал предстоящее празднество, кто-то считал убытки. Несколько человек обсуждали новости с полей. Так Тео узнал, что касок откинули от столицы. Но это всё было где-то там. Сейчас он нёс тарелки на кухню, чтобы Эдварду было в чём подавать еду.

Оставшийся вечер прошёл в такой же суете. Тео подносил напитки и еду, уносил тарелки, мыл посуду. В голове было тихо и спокойно. Этой ночью он впервые спал без кошмаров.

Последующие дни, вплоть до «Дня Кайрона», прошли похожим образом. Тео носился по поручениям, таскал воду, каждое утро отмывал трактир. Несколько раз помогал Эдварду выпроводить особо разгорячившихся гостей.

Наконец, когда трактир перестал забиваться под завязку и у него появилось свободное время, ранним вечером он смог выйти во двор и сесть у пруда семи черепах. Ему нравилось наблюдать за тем, как они копошатся в своём водоёме. У них

был такой маленький, но свой, отдельный мир. Иногда он приносил им остатки еды с кухни.

Этим вечером к нему выползла только одна черепаха.

— Здравствуйте, Сэр Черепаха. Прекрасно выглядите сегодня.

Тео оторвал кусочек от хлебной корочки и положил его перед черепахой. Она несколько секунд пристально смотрела на лисёнка и принялась за еду.

— Приятного аппетита. Ваши друзья сегодня решили не присоединяться к ужину? — сказал Тео и посмотрел на пруд, в котором беззаботно плавали черепахи.

— Ну ничего. Надеюсь, моей компании вам будет достаточно.

Тео положил голову себе на колени и внимательно посмотрел на храбрую черепаху. Черепаха же не смотрела никуда. Она ела свой кусочек хлеба и ни о чём не волновалась.

— Надеюсь, вам нравится здесь, Сэр Черепаха. — Лисёнок негромко вздохнул. — Наверное, страшно, когда вас так выдёргивают и уносят из родного дома, не спросив разреше-

ния.

Черепаша ничего не ответила, но, доев свой ужин, многозначительно нырнула обратно в воду. Тео ещё немного подумал, размышляя о своём, разделил хлебную корочку ещё на шесть частей, положил у воды и вернулся в трактир.

Эдвард снова записывал что-то в своей книге, выводил красивые закорючки, что-то зачёркивал. Когда лисёнок забрался на стул, он поднял голову и внимательно на него посмотрел.

— Какой-то ты сегодня тихий.

— Наверное, прозвучит странно, но я переживаю из-за Сэра Черепаша.

Эдвард задумчиво пригладил усы.

— А с ним что-то случилось?

— Нет, но... — Тео немного замялся, стараясь подобрать слова. — Я принёс его, не спросив разрешения. Может, он и не хотел никуда переезжать?

Трактирщик несколько секунд помолчал. На его лице чи-

талась задумчивость.

— Может и не хотел, но он уже переехал. Здесь у него еда и друзья. — Эдвард слегка завернул левый ус и усмехнулся.
— Не всегда перемены — это плохо.

Больше Тео ничего не спрашивал. Он поднялся со стула и медленным шагом ушёл к себе в комнату. Эта ночь была полна размышлений и обсуждений с самим собой.

— Возможно, и не всегда.

Двери и ключи

Пробравшийся через окно лучик света упорно светил Тео прямо в глаза. Как бы лисёнок не вертелся, поспать подольше так и не получилось. Сдавшись под напором высших сил, он обречённо вздохнул, сел на кровати и протёр глаза. В комнате, как ни странно, ничего за эту ночь не изменилось. Всё было ровно так же, как было всегда. С трудом поднявшись, он переоделся, потратил немного времени на то, чтобы расчесаться, и спустился вниз, в зал.

Эдварда за стойкой не было, зато на кухне что-то гремело. Решив, что отвлекать трактирщика от чего-то настолько важного, что он ни свет ни заря принялся сражаться с посудой, будет грубо, Тео забрался на стул, опёрся на стойку и прикрыл глаза, надеясь доспать свои часы.

Под прикрытием лёгкой полудрёмы в голову начали просачиваться мысли о скуке. Он знал здесь каждое пятно, каждую торчащую деревяшку и мог с закрытыми глазами принести дров, не задев ни одной тарелки. Каждое утро он видел ту же лестницу, тот же зал и того же Эдварда. Трактирщик был к нему добр, и мальчику нравилось, что здесь он чувствовал себя в безопасности, но собственное нутро не обманешь. Жизнь трактирного помощника — это не для него.

Неожиданно резкий голос Эдварда вырвал Тео из собственных размышлений:

— Да где же эта книга, пламени ей под пятки!

Лисёнок снова протёр глаза. Раньше он не слышал от Эдварда таких интонаций. Странно было даже думать о том, что хоть что-то может вывести этого усача из себя.

Он слез со стула и прошёл на кухню, чтобы посмотреть, что там вообще происходит. Его глазам предстала ужасная картина. Вся посуда раскидана, котелок лежал рядом с печью, а в печи разливалась густая коричневая лужа.

— Эдвард? Ты чего? Здесь будто троерог станцевал.

Лицо Эдварда показалось из-под стола. На нём красовалась смесь раздражения, непонимания и лёгкой нотки безумия. Такое же лицо было у его соседа, когда лисёнок стащил его рыболовные снасти.

— Моя книга куда-то исчезла. Всё утро не могу найти.

Кряхтя и ругаясь, трактирщик вылез из-под стола и встал в полный рост. То, как выглядела его одежда, отлично завер-

шала образ выжившего из ума. Весь в грязи, пятнах от похлёбки и опилках.

— Ты же всегда её убираешь за стойку, разве нет?

— Да. И она каждое утро ждёт меня там, куда я её убрал.

Эдвард одарил Тео недовольным взглядом. Вряд ли он всерьёз считал, что лисёнок спрятал её ради смеха, но, облазив каждый угол собственного дома, начнёшь верить и в более странные вещи.

— Но сегодня её там нет. И на кухне нет. Больше похоже на то, что она отрастила себе ноги и ушла.

Тео соорудил задумчивую гримасу и прижал уши к голове. Он пытался вспомнить, не уносил ли Эдвард куда-то свою книжку. Сам он, конечно, не понимал, что в ней такого важного, но оставлять несчастного трактирщика на произвол судьбы было бы неправильно.

— Давай так. Я поищу твою литер...лит...книжку, а ты сообразишь мне завтрак.

Трактирщик вздохнул, окинул взглядом последствия своих поисков и кивнул.

Получив согласие, Тео вышел с кухни и зашёл за стойку, чтобы осмотреть место пропажи.

— Были бы у книжки ножки, были бы рога у кошки...

Бормоча себе под нос, он присел и принялся осматривать полочки за стойкой. Здесь было пыльно, и на месте книги осталось заметное чистое пятно, но ничего, что могло бы помочь делу, найти не получилось.

Лисёнок прикрыл глаза и попытался принюхаться. Вдох, второй, третий, и вот оно. Тонкий шлейф неприятной кислоты, которой пахли чернила Эдварда.

Не открывая глаз, Тео пошёл по следу. Вдогонку к утренней мысли он заметил, что действительно может перемещаться по трактиру, не открывая глаз. Запах уводил его из зала и вёл вверх, на второй этаж. Рисковать с лестницей он всё же не решился, открыл глаза и забежал вверх.

Оказавшись на втором этаже, он снова принюхался. Запах шёл из комнаты Эдварда. Тео ни разу не видел, чтобы трактирщик в неё заходил или выходил. Если задуматься, он никогда не видел его спящим. Потратив на эту мысль не больше секунды, лисёнок открыл комнату и увидел книгу, торча-

щую из-под кровати.

— Кто лучший? Я лучший.

Позволив себе пару мгновений ликования, Тео поднял книгу и оттряхнул её от пыли. Любопытство заставило его её открыть, пролистать пару страниц, но он не увидел в ней ни одной картинки, а читать, как и полагается сыну рыбака, он не умел.

Спустившись вниз и увидев тарелку горячей похлёбки, он хлопнул книгой по стойке и забрался на стул.

— Вот твоя пропажа. Нашёл под кроватью в твоей комнате.

Тео подвинул книгу подальше от тарелки, взял ложку и принялся завтракать. Похлёбка была на вкус той же, что и каждый день.

— Интересно. И как же она туда попала... — Проговорил Эдвард растерянно и убрал книгу за стойку. — И как ты её нашёл?

— По запаху. От неё чернилами несёт.

— Что значит «несёт»? Мои чернила ничем не пахнут, поэтому я ими и пользуюсь.

Тео пожал плечами и сфокусировался на похлёбке. Пусть её вкус успел ему наскучить, это не отменяло того, что она всё равно была превосходной.

— Мне больше интересно, что ты пишешь в этой книжечке? Я посмотрел, но там ни одной картинки.

— Там и не должно быть картинок. Это моя учётная книга.

Эдвард вновь достал книгу из-за стойки, открыл её примерно посередине и развернул к Тео.

— Вот. Здесь я закупил чаффы на 140 лирей. — Он указал пальцем на верхнюю строчку. — А здесь я продал чаффы на 78 лирей. — Палец переместился на две строчки ниже.

Тео с глупым видом смотрел на закорючки, в которые тыкал Эдвард, хоть и очень старался выглядеть так, будто всё понимает. Получалось, надо признать, не очень.

— Так, подожди. — Эдвард захлопнул книгу и убрал её обратно на полку внизу. — Ты не умеешь читать?

— Нет. Как я говорил, у нас было только две книги. Одна про скучных богов, вторая про цветочки. Цветочки — это тоже скучно.

Лисёнок пожал плечами и отодвинул от себя опустевшую тарелку. Разговор о книгах его только утомил, и его жутко потянуло обратно в сон.

Трактирщик покачал головой, но говорить ничего не стал. Своих детей он читать научил, а чужие пускай сами решают. Он хотел уже вернуться к своим ежедневным заботам, но неожиданно Тео снова заговорил:

— Слушай, а что там дальше по дороге?

Скука, съедавшая мальчика последние несколько дней, наконец-то дала себе волю. Он не собирался сбежать, но ему хотелось посмотреть на что-нибудь, кроме стен трактира.

— Зависит от направления... — Эдвард пригладил свои усы и посмотрел на дверной проём. — Если пойти направо, то лес простирается до моря. Эта дорога рано или поздно приведёт тебя в Ликвар. Край болот и золота. Если идти налево, то дорога ведёт прямо до столицы. Если не сворачивать, то до неё можно добраться дня за три.

Тео мысленно прикинул, куда он мог бы отправиться. Возвращаться домой глупо и опасно. Даже если очень хочется, скорее всего, его там же и убьют. Болота — это мерзко, а вот в столице можно и попытать удачи.

— Слушай. А ты мог бы попробовать договориться с кем-нибудь из посетителей, чтобы меня взяли с собой до столицы?

Эдвард недоумённо поднял правую бровь. Ещё недавно на этом же месте перед ним сидел мокрый до нитки перепуганный ребёнок, а сейчас он видел перед собой решительного юношу, готового к дороге.

— Ну-с... Я могу попробовать. Ничего обещать не буду, сам понимаешь.

Тео молча кивнул, слез со стула и прошёл мимо Эдварда. Если он собирается уходить, ему нужно предупредить об этом кое-кого.

Оказавшись во дворе, он глубоко вдохнул свежего лесного воздуха. Если он собирается переезжать в столицу, нужно успеть надышаться. Даже в его деревне, вместо запаха моря, на улицах чаще воняло рыбой или ещё какой гадостью.

Страшно было представить, какой запах должен быть в месте, где может жить ещё две сотни таких деревушек.

Он присел у пруда и положил голову к себе на колени. Сейчас было не время ужинать, поэтому черепах не было видно. Было странно думать о том, что он самостоятельно решил уйти. Он ещё не совсем пришёл в себя после всего произошедшего, но нутром чувствовал, что долго он здесь, в любом случае, не задержался бы.

Неожиданно его размышления прервал толчок в нос его сапога.

— Здравствуйте, Сэр Черепаха.

Лисёнок аккуратно, одной рукой, поднял черепаху на уровень глаз. На мордочке земноводного, как обычно, не читалась ни одна эмоция. Единственное, что можно было сказать наверняка – он слушает.

— Я собираюсь уходить. — Сказал Тео и прижал уши к голове. — Наверное, насовсем.

Черепаха ничего не ответила, но внимательно посмотрела в ярко-зелёные глаза мальчика.

— Вы же позаботитесь об остальных, Сэр Черепаха? Не дайте Эдварду забыть о том, что вас нужно кормить.

Он вернул черепаху обратно на землю и поднялся на ноги. Когда он отряхнулся от травы, земноводного уже нигде не было. Негромко вздохнув, Тео вернулся в трактир и отправился к себе.

Сбор вещей был быстрым. Пара рубашек да гребень – вот и всё его имущество. Справедливости ради, это было имуществом Эдварда, но он, вроде как, не высказал возражений, когда Тео сообщил ему о том, что он уносит из дома вещи его сына.

— Я тут поговорил с одним караванщиком... — Сказал трактирщик и сделал многозначительную паузу. — Они едут в столицу, но будут делать крюк.

Тео отвлёкся от содержимого тарелки и поднял на Эдварда заинтересованный взгляд.

— Лишний день пути, но дорога безопасная. Они могут взять одного пассажира, если тебя не смутит ехать в повозке с товаром.

— Не смутит. — Лис одним движением опрокинул в себя

остатки похлёбки и оставил тарелку. — А куда крюк?

— До старого монастыря. У них, вроде как, договорённость с монахами.

— Спасибо, Эдвард.

Они внимательно посмотрели друг на друга. Тео думал, что рано или поздно ещё навестит этот трактир.

— Спасибо в карман не положишь. — Усы согнулись в хитрой ухмылке. — Как доберёшься до столицы, всем расскажи про мой трактир.

Тео согласно кивнул, слез со стула и, махнув на прощание, вышел через парадную дверь.

Повороты и отвороты

Первый день поездки дался Тео нелегко. Он никогда раньше не ездил на повозках, и его здорово укачало. Приходилось бороться с собой и держаться в опасной близости от дверей, чтобы вдруг не запачкать товар. От желания спрыгнуть и пойти обратно спасало только ощущение пути. Движение будто грело изнутри. Никаких больше столов, никакой посуды и дров. Впереди новая жизнь.

К концу дня он более-менее свыкся с бесконечными ухабами и покачиванием повозки, поэтому позволил себе сесть, свесив ноги, и полюбоваться тем, как мимо проплывают бесконечные деревья. Появилось время подумать о будущем. Он ещё не знал, чем займётся, когда они прибудут в столицу, поэтому строил планы.

— Первым делом найду себе чего-нибудь поесть... — Он мечтательно прикрыл глаза, но быстро одумался. — Нет, нет. Первым делом нужно найти себе жилье. А может...

Поток его мыслей был остановлен выкриком одного из кучеров. Повозка замедлилась и свернула на небольшую полянку. Лисёнок выбрался из повозки и бегло осмотрелся. На поляне стояло несколько повозок. С них слезали возницы,

кто-то уже начал перетаскивать дрова для костра, а кто-то снимал сбрую с крепких лохматых валадаров.

Подняв голову к небу, Тео увидел, что солнце медленно скрывалось за деревьями.

— Значит, встаём на ночлег.

Здраво рассудив, что торчать в повозке это скучно, он решил немного размяться и, возможно, разжиться чем-нибудь съестным. Увидев купца, с которым он познакомился перед отправлением, мальчик направился прямо к нему.

Внешне купец мог быть иллюстрацией к слову «старость». Седой, бородатый и тощий. Однако командовал он так энергично, будто только что закончил строевое училище.

Увидев Тео, он махнул ему, подзывая к себе.

— Подойди, хвостатый.

Само по себе слово «хвостатый» должно было прозвучать оскорбительно, но в его тоне не читалось ни злобы, ни раздражения.

Пока Тео добирался до «командира», тот ткнул в него

пальцем и что-то сказал своему помощнику. Он коротко кивнул и скрылся за повозкой.

— Звали?

— Да, звал. Скажи-ка. Ты сегодня есть собираешься?

Тео прижал уши к голове и сделал вид, что ему необходимо подумать, прежде чем дать однозначный ответ.

— Вообще-да, было бы неплохо.

— Неплохо... Значит, у нас с тобой общая цель. — Купец раскатисто, но коротко хохотнул. — Раз мы с тобой союзники, сбегай в лес и насобирай хвороста. Дрова-то у нас есть, а для растопки кое-кто не взял ни бумаги, ни масла. — На «кое-кто» купец повысил голос, чтобы этот загадочный «кое-кто» наверняка услышал.

— Только если моя порция будет больше, чем у «кое-кого». — Тео также слегка прикрикнул, подражая торговцу, чтобы этот «кое-кто» в полной мере осознал свою ошибку.

— Договорились.

Тео проигнорировал протянутую ему руку, ограничив-

шись лишь коротким кивком, и быстрым шагом отправился в сторону деревьев.

Оказавшись под переплетением ветвей, лисёнок вдруг почувствовал, насколько свободнее здесь дышится. Будто кто-то открыл окно в очень душной комнате. Сделав несколько глубоких вдохов, он распробовал лесной воздух и, удовлетворённо кивнув, начал собирать лежащие на земле деревяшки.

Он внимательно оценивал каждую ветку перед тем, как положить её в кучку к остальным.

— Чтобы огонь горел, хворост должен быть сухим. От влажного слишком много дыма.

На секунду замерев, лисёнок попытался вспомнить, откуда он это знает. Странное дело, но он не смог даже вспомнить, кто ему об этом рассказывал.

Не став надолго заикливаться на пустых размышлениях, он поднял очередную деревяшку и обнаружил под ней целое семейство маленьких шестилапых жучков. Деревяшка была хорошая, плотная, сухая. Почти как полено, только поменьше.

— Хороший у вас дом. Приятного вечера. — Пробубнел он и положил деревяшку обратно.

Побродив ещё некоторое время, он насобирав приличное количество хвороста. Повозившись, он смог сгрести всё это добро в охапку и вернулся на поляну, где, как оказалось, его уже ждали.

— Вот это ты разошёлся, хвостатый! — «Командир» почесал бороду и махнул в сторону сложенного костра. — Тащи сразу туда. Будем ужинать.

Тео ничего не ответил. Он только пыхтел, силясь не рассыпать все эти лесные сокровища, пока нёс к костру.

Свалив всю эту кучу, он приземлился на землю и вытянул ноги.

Огонь схватился достаточно быстро. Женщина в недлинном синем платье высыпала набор овощей в котелок и принялась деловито помешивать содержимое. Скоро над котелком появился пар, а запах, без предупреждения ворвавшийся в ноздри Тео, устроил настоящий праздник.

Пока содержимое котелка булькало и фырчало, Тео наблюдал за танцем огненных язычков. Они были совсем дру-

гие, не похожие на те, что были в камине трактира. Трактирный огонь был спокойным, почти дружелюбным, а этот выглядел диким и кусачим.

— Вот твоя порция. — Сказала женщина и протянула лисёнку глубокую миску.

Тео вздрогнул от неожиданности. Кивнув в знак благодарности, он взял миску и внимательно посмотрел на «кое-кого», чтобы убедиться, что его порция будет меньше.

Торговец не обманул. Договор был выполнен.

Когда все получили свои порции и расселись по группкам, поляну заполнили разговоры и смех. Атмосфера была как в трактире перед праздником. Разве что не хватало столов, которые необходимо оттирать.

Пройдясь взглядом по компаниям, Тео выбрал ту, которая могла обсуждать что-то поинтереснее, и перебрался к ним.

Когда он подсел, никто и слова не сказал. По правде говоря, никто и не заметил, что у них появился слушатель.

— ...Ну и вот тогда ему прилетело. — Закончил рассказ мужчина в красной шляпе.

— Сам дурак. Его ведь предупреждали. — Ответила ему девушка в синем шарфе.

— Я и не говорю, что несправедливо. Просто рассказываю, как было дело.

Тео внимательно слушал. Ему на секунду стало обидно, что он пропустил историю, но, в конце концов, это была чужая история. Он бы её всё равно не запомнил.

К компании подсел ещё один мужчина. У него была неприятная короткая борода и такой же неприятный голос.

— Завтра доберёмся до монастыря. Надеюсь, не задержимся там, как в прошлый раз.

Здесь Тео решил всё же поинтересоваться насчёт дополнительной точки своего маршрута.

— А что это вообще за монастырь?

Бородатый посмотрел на лисёнка оценивающим взглядом, слегка прищурившись.

— А вот тебе, наверное, действительно должно быть ин-

тересно. — Он почесал свою бороду и продолжил. — Старый монастырь Северного Ветра.

Повисла пауза. Звучало так, будто Тео должен быть в курсе того, что за северный ветер и почему у него есть свой монастырь.

— Я впервые о нём слышу.

Мужчина в красной шляпе почесал затылок и заговорил:

— Это ж из какой глуши ты выбрался... Это ж практически легендарное место.

— Было легендарным! — Перебила его девушка.

— Ну да. Было легендарным. Там когда-то учился сам Кайрон. Сейчас это просто старая крепость. Ни следа бывлой славы.

Тео ненадолго задумался.

— Если там учился Кайрон, то почему...

— Потому что они сами отрешиваются от Короля. — Вновь перебила девушка в синем.

— Да, учился, но всё сделал сам, мы ни при чём. — Проговорила она, изображая старческий голос.

Тео замолк, переваривая информацию. Ему казалось странным вот так отказываться от славы. До его слуха снова доносились обрывки фраз. Сейчас историю рассказывал бородатый.

— Так его и нашли. В свинарнике без портков...

Лисёнок встал и вернулся к своей повозке. Голова немного гудела, хотелось выпасться. Он забрался на сложенные ковры, подвернул под себя хвосты и отключился.

Пробуждение было тяжёлым и резким. Повозка, в которой он ехал, подскочила на каком-то камне и подбросила его вверх. Едва избежав того, чтобы приземлиться носом, он потёр слипшиеся глаза и выглянул наружу. Солнце было практически в зените, а лес остался тонкой полоской вдалеке.

Пейзаж сменился на серебристые поля с коричневыми пятнами пустой земли. Несколько раз он видел крестьян и тяглого валадара. Решив не трястись в повозке целый день, он аккуратно переступил на угол и, схватившись за щели в стене, перебрался к вознице.

Как ни странно, кучером его повозки оказался вчерашний бородатый собеседник. Тео приземлил свою пятую точку на старую доску, которая здесь заменяла козлы, и устоял вперёд. Перед ним были бескрайние поля, дорога, уходящая за горизонт, и четыре повозки.

— Что, любишься? — С неожиданным дружелюбием спросил возница.

— Э... Да. Никогда раньше не путешествовал. — Тео немного растерялся от такого вопроса.

— В первый раз ощущения самые сильные. Я вот уже лет десять по этой дороге катаюсь. — На лице бородача проскочила нотка грусти. — Уже наизусть её знаю.

— А почему ваш караван ездит только по этому маршруту?

Кучер задумался, почесал затылок, сплюнул на дорогу.

— А бездна его знает. Хозяин наш договорился о чём-то с этими монахами, вот и кружимся туда-сюда. Раз в месяц к ним заезжаем.

Теперь уже Тео задумчиво почесал затылок. О чём купец может договориться с монахами?

— А почему бы вам не сменить караван? Посмотреть мир.

— Так мы ж почти семья. Я этих... — Кучер слегка приподнял подбородок, указывая на повозки впереди. — Знаю дольше, чем своих родителей. Да и не в том я уже возрасте, чтобы всё менять.

Тео задумчиво фыркнул. Будут ли в его жизни люди, которых он знает дольше, чем знал отца? Ждёт ли его такая же монотонная жизнь?

Решив не углубляться в мрачные размышления, он спросил:

— А скоро вообще монастырь? Вчера, кажется...

— Да скоро уже. Видишь холм? Как его объедем, монастырь видно будет. А там рукой подать.

Остаток поездки они провели молча. Кучер держал поводья и думал о чём-то своём, а Тео рассматривал окрестности в ожидании точки назначения.

Надо ли говорить, что доска — это не самое удобное сидение, и к моменту, когда караван остановился, болело вообще всё. Особенно несчастное подхвостье.

Как только повозка остановилась, Тео облегчённо спрыгнул на землю и согнулся в спине, делая разминку. Купец подошёл к встречающей делегации в фиолетовых балахонах и что-то оживлённо с ними обсуждал, кучер лёг на освободившееся место, и, кажется, никто, кроме «командира», не собирался покидать свои места.

Пользуясь случаем, лисёнок решил немного пройтись. Внутрь монастыря заходить он не собирался. Не просто так они обсуждают свои дела у ворот, а вот пробежаться вокруг явно не повредит.

Он уверенным шагом, будто так и надо, ушёл подальше от ворот, вдоль стены. Стены были древними, монолитными. Несмотря на неухоженность, было видно, что понадобится не один залп из катапульты, чтобы их сломить. Само собой, он попытался отковырять от стены небольшой камушек. Просто так, на память. В этот момент он услышал над собой громкое:

— Эй!

И по голове ему прилетело чем-то твёрдым. Он прижал ладонь к ушибленной макушке, поднял голову вверх и хотел было высказать всё, что думает, но успел только открыть рот и замер.

На стене прямо над ним стояла черноволосая девочка, примерно его возраста, и на голове её красовались оленьи рога. Она прожигающе смотрела на зависшего лисёнка и ждала объяснений.

— Ты что, совсем дикий? — Спросила она с язвительной ноткой.

— Ничего я не дикий. — Тео растирал ушибленное место и возмущенно смотрел на девочку. — Посмотрел бы я на тебя, прилети тебе камень с неба.

— Это называется «божественное вмешательство». — Она ехидно хихикнула. — Нечего монастырские стены разбирать.

— Да не собирался я их разбирать. Один камушек на память выковырять. Делов-то...

— Сначала ты один, потом ещё какой-нибудь дурачок, и ещё один. А там от стен ничего и не останется.

— Ну да, если там за стенами все такие как ты, то их лучше беречь и охранять.

Он слегка тряхнул головой, возвращаясь к тому, что изначально зацепило его внимание. Девочка носила такую же фиолетовую робу, как и монахи, её длинные чёрные волосы были собраны в хвост и... Рога, неровные, не острые, но настоящие.

— А ты ведь такая же как я, да?

— С чего бы? Я умная и не склонна к порче чужого имущества.

— Нет... Я не это имел в виду. Ты ведь таппа?

— А, ты об этом... — Она неловко провела тыльной стороной ладони по одному из своих рогов. — Ну, допустим.

— Никогда раньше не видел таких же, как я.

Между ними повисла неловкая пауза. Девочка внимательно рассматривала Тео, а он внимательно рассматривал её. В какой-то момент заметил, что её глаза такие же яркие и зелёные, как у него.

— И откуда ты такой взялся?

— Чего? — Мальчик не сразу понял вопрос.

— Откуда ты, спрашиваю, взялся. Родился, вырос.

— А... Ну... Из одной глухой деревушки у моря.

— Что ж. Это многое объясняет. А сюда-то ты как попал?

— С караваном приехал. Хочу добраться до столицы.

Девочка на секунду замолчала, посмотрела себе за спину и нервно хихикнула.

— С караваном, который только что уехал?

Тео не стал переспрашивать. Он сорвался с места и побежал к воротам, надеясь догнать уезжающий караван, но, когда он добежал, не обнаружил ничего, кроме следов от колёс.

Он молча стоял и смотрел вдаль, на дорогу, по которой только что уехал его билет в столицу. Растерянность, обида, тоска. Теперь ему придётся добираться пешком.

Когда он уже собирался уходить, ворота вновь открылись. Из них показалась рогатая девочка и седовласый мужчина.

— Вот он, настоящий! Вот его я видела. Он с ними приехал.

Девочка оживлённо жестикулировала и указывала в сторону Тео.

— Ну что ж. — Мужчина почесал подбородок. — Скоро стемнеет. Ты можешь остаться у нас и уехать с ними в следующий раз, когда они вернутся.

Рога и Хвосты

Жизнь в монастыре оказалась куда насыщеннее и интереснее, чем в трактире. Несмотря на строгие правила, за монастырскими стенами кипела жизнь. Здесь нашлось место и развлечениям, и учебе, и даже кое-каким шалостям.

Первый месяц Тео практически всё время слонялся без дела, в надежде убраться отсюда с караваном, только изредка, от скуки, посещая общие занятия, на которых он кое-как научился читать.

Всё изменилось, когда за обедом он разговорился с рога-той девочкой. С тех пор как он застрял в монастыре, они общались всего пару раз. Он знал, что её зовут Айра и что она здесь практически с рождения.

— Ну и что ты опять сидишь с такой кислой рожей?

Тео поднял голову от своей тарелки, содержимое которой напоминало смесь болотной воды и песка.

— Рожа у тебя в зеркале, а у меня лицо. Скучно у вас здесь. И еда дрянь.

— Скучно, потому что у тебя мозгов не хватает. — Айра ела напротив Тео и посмотрела на содержимое его тарелки. — А вот насчёт еды не поспоришь.

Тео театрально скривил лицо в отвращении и отодвинул от себя тарелку. Местная кормёжка не шла ни в какое сравнение с похлёбкой, которую он ел каждый день в трактире. Да и, если честно, даже рыба без специй, которая составляла девяносто процентов его рациона в деревне, была где-то на одном уровне с блюдами королевского стола.

Девочка, прикрыв глаза, покачала головой.

— Ты бы хоть попробовал книги почитать. В нашей библиотеке есть детские сказки. Тебе в самый раз.

Лис пробурчал в ответ что-то невнятное и уложил голову на руки.

— Ты мне лучше скажи, как ты тут вообще развлекаешься? Не верю, что ты всё своё время уделяешь учёбе.

Айра состроила гримасу глубоких раздумий и наигранно приложила палец к подбородку.

— Не знаю даже, о чём можно было бы тебе рассказать. Я люблю ухаживать за цветочками и кидаться камнями во всяких хвостатых негодяев.

Хвосты лисёнка нервно дёрнулись, когда он вспомнил, насколько больно быть «хвостатым негодяем».

— Несмотря на все твои недостатки, меткость у тебя что надо.

— А у тебя очень крепкая черепушка. — Она негромко хихикнула и на несколько секунд действительно задумалась.

— Ладно, вставай, страдалец. Покажу тебе кое-что.

Тео не стал спорить. Сейчас любое занятие выглядело лучше, чем попытки засунуть в себя мерзкую жижу, которую здесь называли кашей.

Айра махнула рукой, зовя мальчика за собой, и повела по коридорам вглубь монастыря.

Изнутри монастырь представлял собой переплетение пустых, однообразных и, казалось, бесконечных коридоров, наполненных такими же бесконечными дверями. Пахло в нём смесью каких-то трав и пыли, а из источников света встречались только редкие окна да полусгоревшие свечи.

Лисёнок шёл за Айрой, поглядывая то на стены, то на неё. Ориентироваться здесь, как ему казалось, просто невозможно. Один коридор был похож на предыдущий, а следующий за ним – на коридор до этого. На секунду ему стало интересно, сможет ли он где-нибудь раздобыть карту этого места?

— Слушай, а ты знаешь все местные переходы?

— Ну да, а что тебя удивляет?

Тео задумчиво почесал затылок.

— А как давно ты здесь?

— Сколько себя помню. — Айра остановилась, обернулась на Тео. — Я здесь выросла.

Лисёнок ненадолго растерялся. Он не знал, жалеть ему девочку или завидовать ей. С одной стороны, она никогда не видела бесконечных полей, лесов и нормальной еды, а с другой, она росла в безопасности, спокойствии и без нужды.

— Ну... — Начал было он, но Айра прервала только что сформировавшуюся мысль щелчком по носу.

— Потом скажешь. Мы пришли.

Тео не видел перед собой ничего интересного. Такой же коридор, такие же двери, такие же стены. Он недоумённо посмотрел на Айру. На её лице красовалась самодовольная ухмылка. Она пнула кирпич в нижней части стены и... Ничего не произошло.

— Ты привела меня сюда, чтобы пнуть стену?

Улыбка исчезла с лица рогатой так же незаметно, как и появилась. Она растерянно похлопала глазами и пнула ещё несколько кирпичей. На пятой попытке за стеной что-то щёлкнуло, и стена со скрежетом утонула в полу.

Тео смотрел на это затаив дыхание. Вот чего чего, а тайных проходов в трактире не было. За стеной скрывалась каменная винтовая лестница, уходившая наверх. Она была в

таком же состоянии, как и весь остальной монастырь, но явно была способна выдержать двух подростков.

Айра схватила лиса за рукав и, не говоря ни слова, потащила за собой. Подъём оказался неожиданно долгим. В какой-то момент Тео подумал, что лестница никогда не закончится, и как раз в этот момент перед ними показалась дверь. Девочка, на манер лакеев, поклонилась, слегка зацепив рогами лисью рубашку, и указала на дверь.

Тео открыл дверь, и в этот же момент под его рукой проскользнула рогатая голова. За дверью оказалось просторное круглое помещение. Окон и стен здесь не было, и всё, что укрывало их от взглядов снизу — это невысокие перегородки. Как оказалось, лестница вела на старую башню, которой, как лис вспомнил позже, снаружи не было видно.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель. — Она раскинула руками, охватывая окружающее пространство.

Тео медленно прошёл в дверь, осматриваясь по сторонам. Секретные ходы, башни, древность. Тайны, одним словом. Именно в этот момент он почувствовал, что больше путешествий он любит тайны.

— Вот такого я от тебя, конечно, не ожидал...

Айра негромко хихикнула и снова поклонилась, но в этот раз, скорее, как актёр на сцене.

— Дураков приходит мало, свободного времени много...
— Она сделала многозначительную паузу. — Вот, между бросками камней и набрела на это местечко.

Тео негромко фыркнул и подошёл к перегородке, выходящей на внутренний двор. Внизу настоятель о чём-то оживлённо спорил с одним из послушников. Это не было похоже на ссору, скорее, на оживлённую дискуссию. У ворот несколько ребят постарше перекидывались друг в друга чем-то напоминавшим жёлудь, но побольше. А за воротами были бескрайние поля. Это было настоящее серое море, уходившее до самого горизонта.

Рядом с ним на перегородку облокотилась Айра и тоже устремила взгляд вперёд. Туда, где нет ни одной стены и ни одного старого коридора.

— А что там?

Лис ненадолго задумался. Он сам видел не так много, чтобы сказать наверняка, поэтому тщательно выбирал слова.

— А там... Бесконечность.

Между ними повисла тишина. Они оба смотрели на горизонт, но каждый видел в нём что-то своё. Солнце потихоньку собиралось покинуть свой пост, когда рогатая вдруг спросила:

— Хочешь вернуться?

— Куда?

— Ну... В... Туда.

Лис задумчиво прижал уши к голове. В большом мире его ничего не держало, ровно как и здесь. Он мог уйти в любой момент, и его никто не стал бы останавливать.

Он перевёл взгляд на девочку, на её рога и, ехидно фыркнув, ответил:

— Хочу, но, пожалуй, задержусь здесь. Кто-то же должен научить тебя нормально развлекаться.

Ведьма и болван

Так началась полноценная жизнь Тео в монастыре. За несколько лет, что он там провёл, он вполне прилично освоил письмо и чтение и успел перечитать больше половины местной библиотеки. Нетронутыми остались только старые богословские тома, смысла в которых он не видел.

Первый год дался ему с большим трудом. Было тяжело приучить себя к ранним подъёмам, регулярным занятиям и, долгих лет жизни повару, местной еде. После разговора на башне их с Айрой отношения переросли в крепкую дружбу, что, в целом, не мешало им регулярно обмениваться колкостями и сохранять здоровое соперничество.

Так, одним утром он был грубо вырван из объятий сна. Айра за ногу вытащила его из постели так, что пришёл в себя он уже мордой на полу.

— Хвостатый, просыпайся! Ты должен это видеть!

С трудом поднявшись с пола и не до конца проснувшись, Тео пробурчал что-то про «великую рыбу» и тут же получил в лицо полный стакан воды.

— Потом порыбачишь. Пошли!

Не давая ему ни секунды на то, чтобы одеться или хотя бы натянуть сапоги, она схватила его за рукав и потащила за собой. Холодный каменный пол коридоров вообще не располагал к тому, чтобы нестись куда-то ни свет ни заря, но выбора ему не оставили, поэтому Тео, даже не возмущаясь (ведь для того, чтобы возмущаться, необходимо проснуться), шлёпал босиком за рогатой.

Оказалось, что тащила она его на башню. Посреди помещения стояла склянка, наполненная жидкостью, по цвету напоминавшей несвежее молоко. Айра оставила его прямо в проходе, а сама, встав над склянкой, сделала несколько странных движений руками. В это же мгновение сосуд лопнул, жидкость испарилась, и всё вокруг затянуло мерзким вонючим дымом.

В нос Тео мгновенно ударил такой смрад, что рыбный рынок жарким летом, по сравнению с этим, показался бы цветочной поляной. На глазах выступили слёзы, он закашлялся и, с трудом сдержав рвотные позывы, смачно выругался.

Где-то в дыму слышался такой же кашель рогатой. Нюх у неё был не настолько хороший, но воняло и без этого ужасно. Через несколько секунд дым унесло порывом ветра, от-

крыв виновницу «торжества». Она несколько раз махнула руками, выпуская потоки ветра, чтобы разогнать остатки вои- нищи, после чего слегка виновато посмотрела на Лиса.

— Слишком много серого корня...

Через несколько месяцев после этого знаменательного со- бытия, которое они между собой прозвали «днём корня», Тео подпустили к трактатам по магии. Он с нетерпением ждал этого дня и уже грезил о том, что станет великим ма- гом. В конце концов, магическое происхождение даёт свои преимущества в колдовских науках, но, как оказалось, изу- чение магии – это самое скучное занятие, которое можно только придумать. Практически всё время уделялось шту- дированию книг по истории использования магии, зубрёжке глифов и попыткам запомнить имя колдуна, который в та- ком-то году таким-то заклинанием вырастил такое-то расте- ние.

В один из дней, когда он усердно пытался запомнить, что делает глиф «коро» и как он взаимодействует с глифом «даль», Айра сжалилась над ним и решила немного помочь с практикой. Уже на башне она провела краткий экскурс и попыталась показать, как можно направлять ветер.

Это было простейшее заклинание, которому в магических

школах учили самых маленьких. Правая рука согнута в локте и указывает вверх, левая рука прямая, указывает влево. Глиф «ансэ». Правая рука разгибается и указывает вперёд, левая рука сгибается и пересекает правую. Глиф «коро».

У неё это вышло настолько просто, что Лис даже воодушевился. Он уверенно повторил за ней это движение, но ничего не произошло. Он попробовал ещё раз, а затем ещё раз и ещё... Айра только прикрыла глаза и покачала головой. Она видела, что в его движениях, кроме спокойствия, присутствует раздражение. Она подошла к нему, взяла его руки и сложила их в нужной последовательности.

После этого на башне продул штормовой ветер. Он был диким, сильным и чуть не сорвал их обоих вниз. В последний момент Тео успел упереться ногами в перегородку и ухватить уже наполовину выпавшую девушку.

— Ну, — сказал Тео, переводя дыхание. — Теперь я знаю, что силёнок у меня побольше...

— Ага... — ответила ему Айра. Она была бледной как мел. — Зато мозгов как у кирпича.

За все годы, проведённые в монастыре, Тео так и не освоил глифы. Когда он пытался и у него ничего не получалось,

он слышал от Айры что-то в духе:

— Отлично. Значит, мир в безопасности.

Рутина из ранних подъёмов и зубрёжки разбавлялась шалостями. Сколько часов он был вынужден провести за копированием учебников в качестве наказания, не сосчитать. Ему удалось вытянуть у Айры рецепт вонючего зелья, поэтому время от времени в разных частях монастыря происходили вонючие хлопki. Тео частенько наблюдал с башни за тем, как послушники, кашляя и ругаясь, выбегали во двор.

Несмотря на трудности в освоении глифов, «простейшую магию», как её называли в монастыре, Тео мог использовать, как никто другой. Она получалась у него так же естественно, как дыхание. Там, где послушникам нужна была концентрация, лис создавал небольшие огненные шарики лёгким движением руки. Со временем к этому действию он начал добавлять щелчок пальцами, просто потому что так смотрелось эффектнее.

Также он в совершенстве освоил шумовые иллюзии. С одного конца двора он мог крикнуть кому-то в ухо или создать ощущение, что его позвали, и часто этим пользовался.

Как-то раз, пользуясь невидимостью башни, он добрые

полчаса гонял Айру по двору, заставляя искать его по углам. В конце концов до неё, конечно, дошло, где он сидит, но полученная оплеуха абсолютно стоила того.

Ближе к своему совершеннолетию он всё чаще стал слышать от наставников, что как только он отметит свою семнадцатую весну, его выставят отсюда. Не то чтобы он переживал об этом. В конце концов свою цель он уже выполнил, и Айра даже начала сама предлагать идеи для розыгрышей, но одновременно с этим где-то внутри начинал копошиться крохотный червячок страха. Не перед тем, что его выгонят, но перед тем, что он не знает, куда идти.

Очередной день не обещал ничего нового, но между занятиями, посреди коридора его поймал за локоть настоятель храма. За эти годы он сильно постарел. Он и раньше был седой, но за ним чувствовалась сила и мудрость. Сейчас же на Тео смотрел сморщенный старик. Спина его согнулась, и было видно, что в следующий раз он выпрямится только в могиле.

— Тео. Пройдём. Нужно поговорить.

Тео уже готовился увильнуть от разговора и собирался придумать себе какое-нибудь неотложное дело, но по глазам старика понял, что это не тот случай.

Он коротко кивнул и зашёл за настоятелем в его кабинет. Старик сел за свой стол и махнул рукой на высокую башню, сложенную из листов бумаги.

— Знаешь, что это?

— Не имею понятия.

В глазах настоятеля промелькнула то ли усмешка, то ли лёгкое раздражение.

— Это, дорогой мой, полный список того, что ты здесь натворил. Каждый случай бомбы-вонючки, поджога, воровства и проникновения в запретные разделы архивов.

Обычно Тео не чувствовал себя виноватым, когда его отчитывали, но под взглядом настоятеля вся его уверенность куда-то улетучилась. Раньше он никогда его не отчитывал, оставляя это занятие наставникам, и это был первый раз, когда лису стало понятно, почему разговор с настоятелем – это крайняя мера.

Уловив, что нужный эффект для разговора достигнут, настоятель продолжил:

— Не переживай. Мы здесь не для того, чтобы перечислять все твои грехи. Нам нужно кое-что обсудить.

Тео оторвал взгляд от пола и посмотрел в глаза старика. В них не было гнева или раздражения. Только спокойствие.

— Что именно вы хотите обсудить?

— Скоро наступит твоё совершеннолетие. Ты уже думал о том, что будешь делать дальше?

Тео на секунду замялся. Он думал об этом, но так и не пришёл к окончательному решению. С одной стороны, здесь ещё остались неразгаданные тайны, необхоженные коридоры и Айра, а с другой стороны, за стенами целый мир, полный таких же тайн и коридоров.

— Я пока не решил. Возможно, задержусь ещё ненадолго...

— Нет. — Голос настоятеля в мгновение стал твёрдым как камень, придавившим Тео к стулу. — Ты не можешь здесь остаться.

Хвосты лиса нервно заходили из стороны в сторону. Его выгонят, и он ничего не сможет с этим поделать.

— Успокойся. Ты не сможешь здесь остаться не потому что я тебя выгоняю.

Настоятель посмотрел на стопку бумаги, и та мгновенно вспыхнула.

— Твои проступки не пугают меня. Если бы решение было только за мной, я бы вообще тебя не выпускал, пока ты полностью не осознаешь свои возможности. — Старик почесал подбородок и посмотрел Тео прямо в глаза.

— Ты не сможешь здесь остаться, потому что эта жизнь не для тебя.

Тео хотел было что-то ответить, но в голову не пришло ни одного аргумента, к которому он мог бы воззвать. Ему хотелось поспорить, убедить настоятеля в обратном, но для этого сначала нужно было убедить самого себя.

— Можешь идти. — Настоятель подул на пепел, оставшийся от бумаги, отправив частицы «прошлого» в полёт.

Тео лишь коротко кивнул, поднялся со стула и покинул кабинет.

Весь оставшийся день Тео слонялся по монастырю. Его не накрыла печаль, и не было цели «нагуляться» перед уходом. Он просто не знал, куда себя деть. Обычные его развлечения сейчас казались неуместными, а Айра куда-то запропастилась. Возможно, оно и к лучшему, ведь как ей рассказать о случившемся, он тоже не знал.

Девушка нашла его сама, тем же вечером, когда он, по своему обыкновению, любовался полями в закатном свете.

Она молча опёрлась на перегородку рядом с ним, и какое-то время они оба смотрели на горизонт.

— Собираешься? — Разорвав тишину, спросила девушка.

— А как ты узнала?

— А чего здесь узнавать? Я же говорила – дикий.

Они ещё несколько минут постояли в тишине. Каждый подбирал слова, чтобы попрощаться, но ни один из них не умел этого делать.

— Болван.

— Заноза.

— Выпендрёжник.

— Ведьма.

Они посмотрели друг на друга. В их взглядах читалось больше, чем кто-либо из них мог сказать. Вместо того, чтобы дожидаться официального дня совершеннолетия, Тео, неожиданно для себя, перескочил через перегородку на крышу библиотеки. Стоя на ногах, он проскользил по черепице, спрыгнул во двор и подошёл к воротам. Глубоко вздохнув, он, на прощание, махнул хвостами, наступил ногой на тяжёлое литое кольцо и резким толчком перебросил себя на ту сторону.

— Я и не знала, что он так умеет...

Пыль и камень

— Не сердчай. У нас график, сам понимать должен. — Купец сдвинулся на козлах, освобождая место для пассажира.

— График у них, видите ли. — Буркнул Тео и забрался на освободившееся место.

— Ну ты тоже хорош. Ни слова, ни звука. Взял и исчез. А мы что, искать тебя должны? Не маленький же уже был.

После этих слов купец снова громко свистнул, давая сигнал старта, и слегка пришлёпнул поводьями своего валадара.

— Знал бы ты, какой нам разнос потом Эдвард устроил, когда мы ему рассказали...

Тео негромко фыркнул, но было приятно, что Эдвард не выкинул его из головы, как только он вышел за порог.

— Говоря об Эдварде, как он там? Как трактир?

Купец неоднозначно махнул рукой и хмыкнул.

— Да как обычно. В таких местах ничего не меняется. Лю-

ди ездят, люди останавливаются, люди уезжают.

Лис только дёрнул ушами. Трактир стоит – и то хорошо. Пока стоит, он ещё успеет заскочить поздороваться, если подвернётся случай.

— Вы, надеюсь, до столицы?

— А куда ж ещё? Вот недавно от монастыря этого треклятого отъехали. Никого в этот раз не потеряли.

— И ничего он не треклятый.

Купец не стал ничего отвечать, только загадочно улыбнулся в свою бороду и ещё разок шлёпнул поводьями.

Оставшуюся дорогу они почти не разговаривали. Обсудили только то, что на дорогах стало безопаснее, с тех пор как касок оттеснили ближе к побережью.

Ещё на подъезде к столице было видно всё великолепие Кайкона. Стены, возвышавшиеся над городом, были выше монастырской башни. Белые, с лёгким кремовым оттенком. Крыши крепостных башен были обиты позолотой и сияли на солнце, излучая величие и богатство. Даже здесь, в получасе пути, было очевидно, что столица – это не просто город. Это

само воплощение власти.

Караван остановился у ворот, не заезжая в город. Торговцу предстояла увлекательная процедура досмотра, допроса и уплаты пошлин. Присутствовать на этом замечательном мероприятии Тео не захотел, поэтому, как только его сапоги коснулись каменной брусчатки, он махнул рукой и с головой нырнул в городскую суету.

Сразу за воротами его ожидала бурлящая смесь из запахов, шума и цветов. Главный проспект, проходивший от ворот прямо до королевской крепости, был весь заставлен торговыми палатками. Между ними сновали люди в одежде всех мыслимых и немыслимых цветов. Торговцы, богачи, бедняки. Вся эта масса шевелилась, как единый организм.

Тео, несмотря на всю свою мысленную подготовку, растерялся от всего этого разнообразия ощущений, обрушившихся на него гигантской волной. Он прижал уши к голове и стоял на месте, пытаясь переварить весь этот поток информации, когда его в спину, со стороны правого плеча, толкнули.

— Ну, чё встал, мохнатый?

Грубый, скрипящий голос принадлежал человеку, одетому так же, как и большинство торговцев у палаток, с той

лишь разницей, что в его наряде были вшиты золотые, сияющие, как крыши башен, ленты.

— Да я... Извините...

Тео отошёл в сторону и лишь растерянно помахивал хвостами. Он так рвался в столицу, и вот, когда он наконец достиг цели, он не представлял, что теперь делать. Здесь оказалось куда больше жизни, чем в его самых смелых фантазиях. Со всех сторон пахло чем-то съедобным, в глаза иногда попадали лучи солнца, отражавшиеся от безделушек всех форм и размеров.

Потратив пару минут на то, чтобы снова начать ориентироваться в пространстве, Тео рассудил, что стоять здесь можно ещё долго, но одна улица – это не всё, что может предложить столичная жизнь. Прижав хвосты к спине так плотно, как он только мог, он медленно, уворачиваясь от пролетающих во всех направлениях прохожих, добрался до переулка между двумя трёхэтажными домами. В переулке пахло проще. Это был запах чего-то съедобного, мясного. Осознав, что последний раз он ел утром перед разговором с настоящим, удивился тому факту, что не голоден, но решил раздобыть себе чего-нибудь съестного.

Обшарив взглядом переулок, лис увидел вывеску над од-

ной из дверей. Она была похожа на вывеску на трактире Эдварда, только вся в позолоте и каких-то цветных камушках. Надпись на вывеске гласила «Танцующий шелкопряд». Решив, что трактир может быть хорошим местом для того, чтобы подумать, он открыл двери и оказался в дорогом украшенном банкетном зале. Помещение было огромным, на потолке сверкали полупрозрачные люстры, наполненные магическим свечением. Здесь не было стойки, а все столы держались на тонких ножках и были выкрашены в чёрный цвет.

К нему тут же подошёл мужчина в ярком полосатом костюме:

— Здравствуйте, ми... — Его взгляд упёрся в торчащие на голове Тео уши, медленно сполз на его одежду и обратно. — У тебя деньги-то есть?

На секунду между ними повисла пауза. Тео собирался спросить о возможности поработать, но, стоило ему открыть рот, его тут же оборвали.

— Брысь отсюда.

— Но я...

— Брысь. Как обзаведёшься чем-то поприличнее, чтобы

не позорить наше заведение, тогда и поговорим.

Слуга схватил его за ухо, развернул на месте и вытолкнул обратно на улицу. Последнее, что он услышал, прежде чем дверь закрылась, было:

— Прошу прощения, господа. Я прослежу, чтобы такого...

Громкий хлопок двери оборвал конец фразы, но Тео и не нужно было его слышать. Он постоял на месте, собираясь с мыслями. Это мерзкое лицо и оценивающий взгляд надолго засядут в его памяти, но он ещё найдёт способ отыграться. То, что он оборванец, не значит, что хоть кому-то он позволит с собой так разговаривать.

На его лице на секунду промелькнула хищная ухмылка, но сразу же исчезла, как только он вспомнил, что вообще-то собирался поесть.

— Если нас не кормят здесь, значит, покормят где-нибудь ещё...

Практически не задумываясь, он встал на носочки, потянулся вверх и выковырял из вывески один из блестящих камушков. Памятная безделушка тут же исчезла в кармане, а лис, насвистывая старую рыбацкую песенку, отправился

вглубь переулка, рассчитывая, что подальше от ворот обязательно найдётся место, где ушастые оборванцы – это норма, а не нарушение порядков.

Уйдя подальше от главного проспекта, Тео, честно говоря, заплутал в бесконечном переплетении улочек и переулков. Своей хаотичностью они напоминали ему монастырские коридоры, но в то же время совершенно не были на них похожи. Одна улица перетекала в другую, та упиралась в тупик, и приходилось возвращаться. Если каждый проход монастыря был похож на другой, то улочки пестрели и сияли разными цветами. Какие-то побогаче, какие-то совсем обшарпанные, но ни одна не была похожа на другую.

Когда он в очередной раз возвращался к развилке, чтобы попробовать другую дорогу, то почувствовал, как за его хвост кто-то схватился. Он резко развернулся, готовясь к чему угодно, но оказалось, что его хвост держал обычный нищий, сидящий у стены дома. Вся его кожа была покрыта какими-то пятнами, зубов, очевидно, не хватало, но одежда выглядела, как ни странно, приличнее, чем у Тео.

— Хвоштатый. — Прошепелявил бедняк. — У тебя монетки не найдётша?

Тео с отвращением выдернул свой хвост у него из руки

и прикинул, сколько примерно ему придётся теперь отмачиваться в мыльной воде.

— Нет, извини. Ни гроша. — Лис начал оттряхивать хвост, как его осенило. — Слушай, а где тут улицы победнее? Ищу, где бы поесть.

— За «ни гроша» не шкажу. — Нищий состроил презрительную гримасу и сплюнул.

— Слушай, денег и правда нет, но есть вот это. Красивое. — Тео выудил из кармана камушек, который выковырял из вывески, и кинул его.

Бедняк поймал камушек, раскрыл ладони, и его глаза загорелись. Он повертел его со всех сторон, поднял к небу и посмотрел на просвет. Если бы у него оставались целые зубы, возможно, он бы даже попробовал его надкусить.

— А говориш, ни гроша. Ладно, шлушай.

Бедняк какое-то время потратил на то, чтобы объяснить дорогу. Тео слушал очень внимательно, ведь любая упущенная деталь может вылиться в ещё несколько часов блужданий. Закончив с объяснениями, нищий убрал камушек куда-то в карман и исчез так быстро, что лис даже не успел за-

метить, как это произошло.

Недоумённо посмотрев по сторонам, но решив не заморачиваться, он, чётко следуя всем указаниям, отправился покорять «свиноферму», как её назвал загадочный бедняк.

— Тут направо... Потом два переулка налево...

Тео повторял про себя маршрут каждый раз, когда проходил новый поворот. Улицы становились уже, дома — ниже. Уже давно не было ни позолоты, ни ярких цветов. Запах мяса и пряностей пропал. На их место пришли запахи сырости, нечистот и, почему-то, монастырской каши.

Свиноферма оказалась не улицей, а небольшой площадью, окружённой полусгнившими покосившимися домиками. Между домами то тут, то там были протянуты верёвки, на которых сушилось тряпье, которое даже ему, с очень большой натяжкой, можно было назвать одеждой. Никто из местных даже не посмотрел в его сторону, и на мгновение ему стало легче. На долю секунды воздух показался таким же чистым и свободным, как в лесу.

В центре всего этого «великолепия» стоял покосившийся, но ещё уверенно борющийся за своё существование сарай, на котором висела вывеска. Название растеклось от сырости,

но прочитать его ещё было можно. «Золотая пыль».

Он уверенно открыл дверь так, будто заходил к себе домой. Внутри помещение напоминало трактир Эдварда, с той лишь разницей, что здесь ничего не говорило о любви и гордости. Такие же древние деревянные столы, которые не видели тряпки с момента покупки, столы, державшиеся не иначе как на молитвах постояльцев.

Лис подошёл к стойке, облокотился на неё и посмотрел в глаза хозяину этого грандиозного заведения.

— Добрый день. Сразу хочу вам сообщить, что у меня ни гроша в кармане.

Трактирщик собирался что-то ответить, но Тео, не делая пауз, сразу же продолжил:

— Вы можете быть моим другом и дать мне чего-нибудь съедобного. Как с вами рассчитаться, я придумаю. Либо вы можете остаться для меня никем, но в таком случае я не могу вам обещать, что этой ночью всё ваше имущество останется при вас.

Всё, что он сейчас сказал, было ужасным неприкрытым блефом. Терять ему было нечего, поэтому вся ставка была

сделана на уверенность в голосе и безупречную улыбку на лице. Хвосты его нервно заходили из стороны в сторону, но ушам он не позволял сдвинуться ни на миллиметр.

— Засранец. — Ответил ему таверщик и широко улыбнулся. — Такие здесь всегда кстати. Меня зовут Манниель. Можешь звать просто Ман.

Тео окинул его взглядом: рубаха, давно потерявшая свой цвет, закатанные рукава, открывающая крепкие мускулистые руки. На правой руке было видно часть татуировки. Это было изображение либо змеи, либо дракона, но под углом остальную часть не рассмотреть. На пальце – дешёвое кольцо с фиолетовым камушком. Из растительности на голове только жидкая козлиная бородка.

— Меня зовут Тео. Будем знакомы.

Ман коротко кивнул. Обмен любезностями окончен, поэтому он скрылся на кухне, предоставив лису возможность осмотреться. На стенах висели охотничьи трофеи, но по ним было видно, что они здесь, скорее, как антураж, а не предмет гордости. Олень с обломанным рогом, валадар с порванной шерстью, какая-то ящерица и морда непонятной мохнатой твари с одним глазом.

Перед Тео грохнула тарелка с дешёвой похлёбкой, а следом стакан чего-то зелёного, со странным кислым запахом. Лис внимательно осмотрел содержимое стакана и ещё раз принюхался. Запах был одновременно отвратительный и притягательный. Будто что-то сладкое вымазали в грязи.

Он аккуратно сделал небольшой глоток. Ожидал, что его вывернет, но... Вкус оказался вполне ничего. Кислый, терпкий, с неопределимым послевкусием. Погоняв жидкость во рту несколько секунд, он её проглотил и сразу же после этого залпом осушил и весь оставшийся стакан. Внутри разлилось приятное тепло, а щёки загорелись. Мир вокруг стал размываться, и всё стало казаться очень мягким и тёплым.

— Впервые вижу, чтобы кто-то с таким удовольствием пил эту дрянь. — С удивлением в голосе прокомментировал Ман.

— А что это вообще?

— Ну, вообще это самый дешёвый сорт вина. Официально «Мириам», полуофициально «Кисляк», совсем по-нашему «дрянь». — Ман почесал бородку и убрал стакан со стойки. — А ты что, не пробовал никогда?

— Не поверишь. — Тео икнул. — Я в жизни до этого не

пил.

— У-у-у... — Протянул трактирщик и пододвинул к лису тарелку с похлёбкой. — Ты лучше заешь.

— Заем. Обязательно заем... — Слова выходили медленнее, чем он хотел.

Лис помотал головой, стараясь взболтать содержимое своей черепушки и отогнать накатившую слабость.

— Ты как, лис? — Спросил Ман, наклонившись к нему.

— Замечательно! — Неожиданно выкрикнул Тео, и снова икнул. — Никогда не чувствовал себя лучше.

Сразу же после этих слов он взял ложку и принялся за похлёбку. Вкус у неё был отвратительный. Что-то среднее между скисшими помоями и несвежей рыбой, но за бесплатно и не такое съешь.

Пока Тео героически сражался с похлёбкой, трактирщик внимательно его рассматривал. Он всякого успел насмотреться в своей многострадальной забегаловке, но чтобы прилично выглядящий таппа так себя вёл. Зрелище было ещё то.

— И откуда ты, собственно, взялся, хвостатый?

Тео оторвался от тарелки, икнул и расплылся в глупой улыбке.

— Не поверишь. Только сегодня утром вышел из монастыря.

Ман хмыкнул, но решил ничего не уточнять.

Ближе к концу тарелки Тео почувствовал, как только что проглоченная им «пища» решила ещё побороться за свою свободу и подкатила к горлу. Сдержав рвотные позывы, он самоотверженно забил в себя остатки и отодвинул пустую тарелку в сторону.

— Ну что ж. Вижу, что ты закончил? Значит, время рассчитаться. — На лице трактирщика появилась хитрая, почти хищная ухмылка.

— Как я и говорил, о цене... Ой... Договоримся. Выкладывай.

Ман почесал бороду, протянул руку под стойку и вытащил из-под неё листовку с портретом какой-то женщины. Судя по виду, она была то ли аристократкой, то ли просто дамой

при деньгах. Текст листовки гласил:

«Леди Ларуа Викис приглашает всех...»

Остальное было нечитаемо из-за пятен жира и другой непонятной субстанции.

Тео слегка прищурился, стараясь разобрать текст на листовке, но время и «аккуратность» хозяина сделали своё дело. Он поднял взгляд на Мана и спросил:

— И на что я сейчас смотрю?

— Ты смотришь на возможность заработать. — Ман подмигнул лису и продолжил. — Эта женщина получила неплохое наследство от своего безвременно почившего мужа.

Тео кивнул, давая знак, что улавливает нить.

— В её коллекции хранится одна очень редкая вещь. Зеркальце ручной работы времён Кайрона.

— Хорошо, а причём здесь, собственно, я?

— Ходят слухи... — Ман огляделся вокруг и нагнулся ближе к Тео. — Ходят слухи, что у неё слабость к таким как

ты.

— В смысле, к таким как я? — Тео снова глупо икнул.

— Ну... Ушастые, хвостастые. Понимаешь? — Спросил Ман и приложил руки к голове, изображая уши Тео.

Лис невольно фыркнул. Попытка изобразить его уши оказалась забавным зрелищем.

— Ладно. Жаль, ты до хвоста не додумался. — Он начал постукивать пальцами по столу. — Но древняя безделушка взамен на сопли и стакан дешёвого вина это как-то несолидно.

Трактирщик покачал головой и ответил:

— Будем считать, что сопли и кисляк это подарок от чистого сердца. — Он облокотился на стойку и уставился лису в глаза. — За сведения о том, где она держит зеркало – двадцать лирей. За само зеркальце – пятьдесят.

Тео на секунду задумался. Он ещё не совсем разбирался в местных расценках, но нутром чувствовал, что это маловато.

— Пятьдесят – за сведения. Восемьдесят – за стекляшку.

— Да ты ох... — Ман резко замолчал. Его глаза забегали в разные стороны. — Тридцать и семьдесят.

— И десятку авансом.

Лис хитро улыбнулся и подмигнул трактирщику. Кажется, он не прогадал, а значит, есть все шансы неплохо подзаработать в ближайшее время.

Зверёк и зеркало

Тео стоял перед дверью особняка Леди Ларуа и перекидывал между пальцами часть аванса. Золотая монетка весело блестела на солнце, всем своим видом показывая, что ей очень нравится быть здесь.

Почти весь аванс, выданный трактирщиком, остался в первом же магазине одежды. Сейчас лис был одет в добротную белую рубаху с чёрной кожаной жилеткой, чёрные свободные брюки и новые сапоги. Когда пришёл момент расплачиваться, он понял, что здорово продешевил с этим делом, но договор есть договор. Условия на лету не меняют.

Тео дёрнул жилетку – непривычно, но потерпеть можно. Новая одежда казалась чем-то чужим, но это было частью игры, правила которой нужно было выучить и соблюдать.

Он сделал глубокий вдох, занёс кулак, чтобы постучаться в дверь, но что-то мешало ему выдохнуть. В голове зашевелился червячок сомнений. Он только что покинул монастырь, в котором половина проповедей строилась на помощи ближнему. Да, он не был прилежным учеником, да и верующим его не назвать, но столько лет в обнимку с одной и той же идеей оставили на нём свой отпечаток.

В довесок к уже имеющимся проблемам в ушах зазвенели последние слова отца. «Живи достойно», — говорил он.

— А достойно — это как? — спросил он у двери.

Само понятие «достойно» — это очень гибкая и растяжимая вещь. Значение слова диктуют обстоятельства. Для монахов «достойно» означало помощь всем нуждающимся. Для леди Ларуа, вероятно, это слово означало достаток и богатство. А что оно значило для Тео?

Мотнув головой, чтобы вытряхнуть лишние мысли, он решил разобраться с этим позже. Аванс уже потрачен, договор заключён. Отказаться и сбежать точно будет недостойным поступком.

— Ну... Начали.

Лис шумно выдохнул и громко постучал в дверь. Какое-то время за дверью была полнейшая тишина. Где-то внутри Тео начало расти напряжение. Не зря ли он пришёл? А если никого нет дома?

Он уже собирался уйти, как дверь распахнулась. Перед ним стоял лысый мужчина в наряде, один в один повторяв-

шем костюм лакея из «Танцующего шелкопряда».

— Чем я могу вам помочь?

Голос слуги звучал как слегка подтаявшее валадарское масло. Тео на секунду растерялся. На нервной почве из головы совершенно вылетело то, зачем он сюда пришёл.

— Я... Э... По поводу работы. — Наконец сообразил он и протянул лакею листовку, которую получил от Мана.

Слуга кончиками пальцев взялся за уголок листовки. Несмотря на перчатки, было видно, что он испытывает отвращение к засаленному листку бумаги.

— Н-да... Проходите. Я позову Леди Викис.

Лакей отошёл от двери и свободной рукой указал в помещение.

Как только лис переступил порог, ему в глаза ударил блеск от бесконечного количества побрякушек. Золотые рамы с портретами напыщенных лиц, кубки, подсвечники. На стоимость одного подстаканника он мог бы неделю питаться в трактире Эдварда.

Слуга молча указал на огромный, обтянутый мехом диван и скрылся в глубинах поместья. Тео аккуратно присел на край дивана. От чего-то в этом месте ему было не по себе. Всё слишком яркое, слишком вычурное. Странные запахи, похожие на специи, но с непонятной кислой примесью. Он хотел было поморщиться, но сдержался. Сейчас его задача — убедить хозяйку в том, что он справится с работой служки.

Минут через десять, когда Тео уже изо всех сил боролся с головокружением от местного запаха, в зал вернулся слуга. Он поклонился, указав руками на коридор.

— Леди Викис готова вас принять. Следуйте за мной.

Проследовав за лакеем, Тео мельком успел осмотреть коридоры поместья. Такое же золото повсюду. Лишь в одном помещении он увидел то, что ему действительно понравилось. Это было чучело огромного троерога в атакующей позе.

Слуга открыл перед ним двери и остановился. Тео вошёл в просторную комнату с камином. Она была оформлена скромнее, чем всё, что он видел до этого. Золота почти не было, камин и огромное количество книг. Единственное, что роднило эту комнату со всеми остальными, это такой же

огромный диван, обитый мехом.

На диване сидела женщина в тёмно-синем платье. Её волосы цвета праха, всё ещё длинные и гладкие, покрывали её плечи. Тео про себя отметил, что будь она моложе лет на 30, то была бы невероятно красивой.

Лис неловко поклонился, подражая тому, как ему поклонился лакей до этого.

— Леди Викис, для меня честь...

— Оставьте. — Мягкий голос прервал его. — Не нужно такой церемонности. Я этого не люблю.

Тео выпрямился и коротко кивнул.

— Как скажете.

— Значит, Вы пришли по поводу работы?

Леди Ларуа выглядела расслабленной и, в то же время, с интересом рассматривала Тео.

— Да. Я только недавно приехал в город.

Женщина указала рукой на диван, приглашая посетителя сесть.

— И откуда же Вы приехали?

Тео сел на край дивана и, развернувшись в сторону Ларуа, упёр локоть в подлокотник.

— Я только недавно покинул монастырь Северного Ветра.

Женщина коротко кивнула. Она явно знала, о каком монастыре речь.

— Монастырское воспитание — это хорошо. Значит, дисциплинированный. — Она взяла со столика бокал, наполненный бордовой жидкостью, и сделала большой глоток.

— Слышала, что там в последнее время были проблемы с запахом. Это так?

Лицо Тео залила краска. Он еле сдержал себя от того, чтобы не засмеяться.

— Да, Леди Викис. Но сейчас уже всё в порядке. — Подкативший смех снова был подавлен. — Были проблемы с... Растительностью.

Женщина явно заметила, как покраснел лис, но воспитание не дало ей поинтересоваться о причинах столь бурной реакции.

— Что ж. Расскажи мне, что ты умеешь? — Женщина закинула ногу на ногу и откинулась на диван.

— Ну... — Тео замешкался. — Я неплохо разбираюсь в травах, прилично готовлю... — Начал он перечислять.

— Ну-ну. Я ищу не простого слугу. — Она хитро подмигнула. — Мне нужен... Как бы это сказать... Аксессуар. Экзотика, понимаешь?

Она приложила руку ко лбу и карикатурно изобразила своих коллег по статусу:

— Ах, леди Ларуа, где же Вы нашли себе такого зверька?

Лицо Тео в этот момент представляло из себя что-то среднее между лёгким удивлением и умственной отсталостью.

— То есть... Я должен просто... присутствовать?

— Присутствовать, подавать вино, рассказывать истории,

возможно, забавно танцевать. — Она откинулась на диван. — Вы не поверите, насколько скучно бывает на этих приёмах. Люди вокруг — алчные лицемеры, из развлечений только трубадур, которого я, если честно, уже собственноручно готова утопить в фонтане.

Тео задумчиво почесал затылок. С одной стороны, это отличная возможность подобраться к зеркалу. Да и на таких приёмах обычно деньги льются рекой, а дорогие побрякушки могут «потеряться». С другой стороны, всё это звучало как-то унижительно.

— И что Вы предлагаете в обмен на роль «аксессуара»?

— Жильё в одном из самых богатых поместий города, лучшую еду, которую ты только сможешь найти... Ну и деньги.

— О какой сумме речь..?

— Достаточно, чтобы за год накопить себе на домик внутри городских стен.

Заставив себя проглотить гордость, лис натянул на лицо широкую улыбку и кивнул.

— Леди Викис, поздравляю, Вы только что купили себе самого экзотического зверька, которого только может предложить Кайя.

На этом обсуждение условий труда закончилось. На выходе из библиотеки его ждал лакей. Тео мысленно отдал ему должное. Удивительно, как ему действительно хватило выдержки на то, чтобы простоять здесь добрые полчаса.

Леди Ларуа крикнула, чтобы его хорошенько накормили и приодели.

— Слуги дома Викис должны выглядеть лучше всех остальных!

И снова коридоры, залы, золото. К счастью, очередной переход не растянулся. Малая столовая находилась практически в соседней комнате. Тео сел за край стола. Обед подали в «чистейшем серебре», как ему сообщил слуга. Сам обед и вкуса блюд он не запомнил. Слишком много всего вертелось в голове. Хотелось как можно скорее выбраться отсюда.

После обеда — переодевание. Одежду, на которую ушёл весь аванс, унесли в неизвестном направлении. Взамен дали выбрать себе что-то «поприличнее». Лис только успел порадоваться, что ему не придётся обряжаться в тот же наряд, в

котором щеголяли слуги, как перед ним выкатили несколько передвижных манекенов с натянутыми на них костюмами. Такие же яркие и пёстрые, как у остальных слуг, разве что цвета были сдержаннее.

— Нет-нет, вы что, не слышали Леди Викис? — Тео был в ужасе и искал любые возможности отвертеться. — Я «экзотический аксессуар». Вы что, хотите сравнять меня с остальными слугами?

Растерянное лицо слуги в этот момент стоило любых страданий, причинённых Тео во время этого маскарада. На лысине выступила испарина. Он совершенно не был готов к тому, что хоть что-то он может выполнить не идеально.

— А как же... Но...

Тео по-дружески хлопнул мужчину по плечу, хитро улыбнулся и заискивающе зашептал:

— Если мы хотим, чтобы меня точно заметили, нельзя допустить, чтобы я выглядел также, как вы, правильно?

Слуга только молча кивнул.

— Принеси что-нибудь... Скажем... Чёрное. Чёрный —

это очень заметный цвет.

— Д-да... Я попробую...

Слуга тут же скрылся за дверями, оставив Тео одного в помещении для слуг. Не упуская такого благоприятного момента, он тут же принялся шарить по ящичкам и полочкам, надеясь найти что-нибудь, что поможет ему с зеркальцем.

— Бумажки, щётки... Опять бумажки... — Тео вытащил ворох записок с указаниями для слуг. — Бездна меня побери. Не ожидал, что она может так выражаться...

На полках больше не нашлось ничего полезного, поэтому, распахав всё обратно, лис подошёл к окну и уставился на улицу. Комната для слуг располагалась со стороны, выходящей на небольшой парк, заполненный местной богемой. Леди прогуливались с господами, дети вились вокруг своих родителей, как стаи мух вокруг гнилого фрукта.

У этих людей было всё, но они были заперты. Заперты друг с другом, заперты в собственном статусе. Каждый из них играл роль, надеясь набрать побольше очков уважения и победить в этой игре. Они улыбались и смеялись, но никто из них не был счастлив. Даже деревья, высаженные здесь, выглядели так, будто они заперты в клетке.

В комнату вбежал запыхавшийся. Верхние пуговицы его были расстёгнуты, по лбу стекали капельки пота. Судя по всему, всё время, что он отсутствовал, он потратил на бег.

— Вот... — Сказал он, протягивая Тео стопку чёрной одежды.

— В доме ничего не нашлось, поэтому мне... — Слуга шумно сглотнул. — Пришлось купить... Из своего жалования...

Тео на секунду потерял дар речи. Он ожидал, что ему принесут что-то старое, но такая исполнительность... Было не понятно, нужно ли ему сейчас уважать слугу или жалеть его.

— Спасибо... — Он начал раскладывать одежду. — Не переживай. Леди я ничего не скажу, а с тобой потом рассчитаюсь, идёт?

Он хитро подмигнул и указал лакею на дверь. Тот лишь кивнул и вышел из помещения.

В стопке оказалась добротная чёрная куртка, такие же чёрные мягкие и эластичные штаны и сапоги. Натянув штаны и куртку, лис походил из стороны в сторону, оценивая,

насколько в них удобно двигаться, и удовлетворённо фыркнул.

— Нужно будет поинтересоваться, где он это купил... Пожму руку портному...

Да, одежда была удобной, качественной и крепкой, но стоило ему надеть сапоги... Ноги утонули в мягкой коже, словно в облаке. Он сделал шаг, другой, третий, прыжок. Сапоги не издали ни скрипа, ни стука, а подошва пружинила.

— Я никогда их не сниму... — Прошептал он сам себе.

Последний этап подготовки был окончен. Он решил прогуляться по поместью, чтобы оценить обстановку, постараться запомнить маршруты и прикинуть, где может храниться зеркальце. Ман описал ему на словах, как оно должно выглядеть, поэтому, скорее всего, он должен его узнать, если увидит.

Лис покинул комнату и нырнул в коридоры. Золото, золото, ковры, золото, картины. В какой-то момент он бросил попытки запомнить порядок помещений и просто шёл туда, куда его несли ноги. А принесли они его обратно к библиотеке. Сейчас помещение пустовало. В камине тлели ещё не до конца остывшие угли, а на столике стоял бокал, из кото-

рого совсем недавно леди пила вино.

Пользуясь случаем, он решил пробежаться по содержимому полок. Где-то в поместье ещё раздавались звуки рабочей суеты, поэтому время на это у него было. Он прошёл вдоль стен, разглядывая книжные корешки, открывая шкатулки и ящички. В одном из них он нашёл старые письма, от которых пахло чем-то цветочным, в другом — какие-то счета. Ничего интересного или ценного.

Лисье ухо резко дёрнулось. Он услышал шаги, приближающиеся к библиотеке, и два женских, почти девичьих голоса. Он нырнул за диван, укрываясь от света открывающейся двери, и в библиотеку вошли две служанки.

— ...Ну вот, а я ему и говорю, что нужно сначала подкопить денег.

Послышался протяжный женский вздох и звон чего-то, ударившегося об столик.

— Ничего он не понимает. Романтик, но глупый.

Тео аккуратно выглянул из-за своего укрытия и увидел, что девушки начали протирать пыль на полках. Сейчас проскользнуть мимо явно не получится.

— Глупый... Но глаза как у щенка. Боюсь, что если он всё же решит уехать, я просто не смогу отказаться.

Тео аккуратно, стараясь не издать ни звука, заполз под диван, чтобы избежать взглядов. Отсюда ему открывался вид на нижнюю часть комнаты и ноги служанок. Теперь он хотя бы мог понять, в какой части комнаты они находятся.

— Да ну их. Здесь у тебя и работа и семья, а с ним что? Таких много, а жизнь одна.

Послышался ещё один женский вздох.

— В том-то и дело, что жизнь одна. Боюсь, что если откажусь, то всё, конец.

Постепенно девушки переместились в заднюю часть комнаты, и лис выполз из-под дивана с противоположной стороны. О столик, как оказалось, зазвенела связка ключей, которую он почти инстинктивно убрал во внутренний карман и медленно, бесшумно выполз к выходу из библиотеки.

Убравшись подальше, Тео с интересом осмотрел свою находку. На небольшом кольце болталось 4 ключа и никаких указаний.

— Значит, будем выяснять...

Выяснять долго не пришлось. Первый же ключ подошёл к дверному замку. А потом ещё к одному, и ещё. Оказалось, что это ключ практически от всех жилых и гостевых помещений в доме. Тео добрался до входного зала, в котором располагалась лестница на второй этаж.

Поднявшись наверх, лис открыл первую же попавшуюся дверь. Это оказалась большая просторная спальня. Краткий осмотр пустых полок и шкафов показал, что это гостевое помещение. В гостевых помещениях вряд ли будет хоть что-то ценное, поэтому, решив не тратить на него время, Тео открыл дверь. Следующая дверь вела в точно такую же спальню. И следующая, и следующая за ней.

Добравшись до конца этажа, он увидел дверь, которая была роскошнее остальных. Золотая ручка, дорогое дерево...

— А здесь, наверняка, отдыхает леди Ларуа...

Он аккуратно, медленно открыл дверь, надеясь, что слуги регулярно смазывают петли, и оказался прав. За дверью действительно оказалась господская спальня, вмещающая в себя огромную дубовую кровать, немыслимое количество са-

мых разных шкатулочек и безделиц и... хозяйку поместья.

Аристократка спала, раскинувшись на кровати в такой позе, что у Тео от одного взгляда на неё заныла спина. Он прокрался внутрь и принялся методично проверять шкатулки на предмет чего-нибудь, что могло бы ему помочь.

Потратив примерно полчаса просто на то, чтобы заглянуть в каждую шкатулку, лис был уже готов впасть в истерику. Столько шкатулок, столько ящиков и помещений. Неужели ему действительно придётся играть роль аксессуара? Неужели придётся мириться с тем, что он просто экзотический зверёк, пока он не найдёт зеркальце, чтобы расплатиться с Маном?

Незаметно для себя, он потянул за ручку дверь, которая, как оказалось, вела не в коридор, а в персональную уборную Леди Викис. Оформлено всё было на удивление сдержанно. Ни золота, ни бархата. Даже коврик был самый обычный.

Он безнадёжно пробежался взглядом по помещению и увидел... Зеркальце. То самое зеркальце, лежавшее на раковине. Ни в шкатулке, ни под стеклом. Как самое обычное карманное зеркальце. Его глаза загорелись, рука спрятала зеркало во внутреннем кармане, и он покинул спальную хозяйки.

Даже не закрывая дверь, он мягко пробежался по коридору, скатился по перилам вниз, минуя ступени, и, тол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.